АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ «ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР»

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

XX ВЕК

Ответственный редактор
доктор исторических наук
К. В. ГУСЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1985

[34] Ibid., p. 326.
[35] *Reade Ch.* Religion, Revolution and the Russian: Intelligentcia, 1900—1912. The vephi Debate and its Intellectual background. L., 1979.
[36] Ibid., p. 178.
[37] Ibid., p. 180.

●

С. А. ФЕДЮКИН

ОКТЯБРЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
(некоторые методологические аспекты проблемы)

Изучение проблемы «Октябрь и интеллигенция» опирается на обширное научное наследие В. И. Ленина, на теоретическую и практическую деятельность Коммунистической партии. Во множестве своих печатных и устных выступлений послеоктябрьского периода Ленин затрагивал проблему интеллигенции [1]. Его мысли и высказывания имеют огромную ценность для разработки теоретических вопросов исторической науки, марксизма-ленинизма в целом.

В. И. Ленин считал привлечение интеллигенции к строительству нового общества одним из непременных условий победы социализма, а использование буржуазных специалистов определил как форму классовой борьбы. Он сформулировал основные принципы отношения диктатуры пролетариата к интеллигенции, главными из которых являлись: привлечение к строительству нового общества всей интеллигенции, независимо от ее политических воззрений, контроль за ее деятельностью, учеба рабочих и крестьян у буржуазных специалистов, перевоспитание буржуазной интеллигенции в социалистическом духе, создание новых кадров интеллигенции.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что наш опыт в решении проблемы интеллигенции может быть полезен для рабочих других стран. Так, при подготовке доклада о диктатуре пролетариата он в качестве одной из рекомендаций братским коммунистическим партиям указал на необходимость нейтрализации буржуазной интеллигенции с тем, чтобы не дать ее колеблющимся слоям уйти в лагерь контрреволюции [2].

Напоминая о заслугах Ленина в разработке столь сложного вопроса, нельзя не сказать и о том исключительном влиянии, которое он оказывал на интеллигенцию как политический деятель, корифей науки, «с ног до головы русский интеллигент», как сказал о нем А. В. Луначарский. Его громадные знания, глубокая эрудиция, такт, политическая гибкость в решении многих «тонких» вопросов, доскональное знание путей и перепутий российской интеллигенции — все это играло важнейшую роль в завоевании симпатий образованных людей старого общества.

Следуя идеям В. И. Ленина, партийные, советские, хозяйственные и военные органы уделяли первостепенное внимание проблеме интеллигенции. Трудно назвать партийный или профсоюзный съезд, съезд Советов в первые годы Советской власти, на котором в той или иной

форме не ставился бы вопрос о политике рабочего класса в отношении интеллигенции. Насколько важна была эта проблема для молодого Советского государства, можно судить по тому, что VIII съезд РКП(б) особый раздел партийной программы посвятил вопросу о буржуазных специалистах.

Включение в программу РКП(б) специального раздела, определявшего отношение партии к интеллигенции, было смелым, новаторским и творческим актом. Подобных пунктов до того не включала в свою программу ни одна социал-демократическая или рабочая партия.

Жизнь показала глубокую правильность и оправданность этого решения. Вопрос об интеллигенции имел большое значение и в смысле теоретическом, ибо его правильная постановка указывала пути расширения социальной базы революции за счет так называемых средних слоев, приобретения новых союзников рабочего класса, и в смысле повседневной практики, потому что интеллигенция являлась крупной культурной силой, обойтись без которой было нельзя.

Анализ ленинской политики партии в отношении интеллигенции, обширного фактического материала дает возможность уточнить ряд вопросов, касающихся определения роли и места интеллигенции в революции, относительно которых в нашей литературе нет единого мнения и которые требуют дальнейшего исследования. Первый из них — это вопрос о политической роли интеллигенции в революции. Хорошо известно, что революции — это не бунт, не стихийное выступление масс. Что же касается Октябрьской революции, то она была прекрасно подготовлена и организована. Несомненно, первенствующую роль во всем этом сыграл рабочий класс. Его динамизм, сплоченность и целеустремленность явились важнейшими условиями успеха революции. Но этого мало. Как и во всяком большом деле, в котором принимают участие миллионы людей, нужен штаб, идейно-теоретический центр руководства движением. Такой центр рабочий класс, партия коммунистов имели в лице партийной большевистской интеллигенции. Это была не такая уж незначительная по численности группа. К концу 1917 г. в большевистской партии состояло приблизительно 30—35 тыс. интеллигентов, или 10% от общего количественного состава партии [3].

Интеллигенты-революционеры входили в руководящее ядро большевистской партии. Это была наиболее передовая часть интеллигенции, самоотверженно отдавшая силы, знания, жизнь делу революции. Многие из интеллигентов-большевиков были профессиональными революционерами, в течение многих лет под руководством В. И. Ленина готовившими рабочий класс к свержению власти помещиков и буржуазии. На их плечи легла огромная организаторская и политическая работа по подготовке масс к революционному выступлению и установлению Советской власти.

Большевистская партийная интеллигенция сыграла выдающуюся роль в непосредственном проведении вооруженного восстания в Петрограде. В состав партийного центра по руководству восстанием входили профессиональные революционеры А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзер-

жинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий. Членами Петроградского ВРК, являвшегося органом Петросовета по непосредственному руководству восстанием, наряду с рабочими, солдатами, матросами, были и офицеры-большевики Н. В. Крыленко, Ю. М. Коцюбинский, И. П. Павлуновский, М. В. Пригоровский, учитель И. П. Флеровский, инженер А. Д. Садовский, партийный журналист К. С. Еремеев, врач В. А. Аванесов, юрист Н. И. Подвойский и другие интеллигенты-революционеры.

Большую подготовительную работу провели офицеры-большевики. Они обучали красногвардейцев и рабочих военному делу, вели активную организаторскую работу в воинских частях. Офицеры-большевики Г. И. Благонравов, М. К. Тер-Арутюнянц, Э. М. Склянский, И. П. Вишневецкий, Б. М. Занько, Р. Ф. Сиверс, И. И. Вьюшин и другие были посланы в качестве комиссаров ВРК в воинские части для подготовки восстания. Активную работу вели интеллигенты-революционеры по подготовке рабочих масс к вооруженному выступлению на заводах, фабриках, в рабочих кварталах города.

Не менее важной и ответственной была роль интеллигентов-большевиков непосредственно в организации вооруженного восстания. В тройку по техническому его руководству входили Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко и Г. И. Чудновский. Во главе штурмующих Зимний дворец рабочих, солдат, матросов шли командиры отрядов офицеры С. С. Петрухин, К. И. Зедин, комиссары Павловского полка О. Д. Дзенис, Семеновского — Ю. М. Коцюбинский, командиры частей и подразделений А. И. Тарасов-Родионов, П. И. Дашкевич, В. В. Сахаров. Непосредственное участие в революционных событиях в Петрограде принимали научные работники И. А. Залкинд, И. В. Егоров, учитель М. Я. Лацис, инженер А. П. Серебровский, поэт А. Н. Поморский, фельдшер А. С. Раков, врачи Е. П. Первухин, М. Н. Барсуков, В. К. Слуцкая и многие другие партийные интеллигенты.

После установления Советской власти партийная интеллигенция играла крупную организаторскую и руководящую роль в защите завоеваний революции и осуществлении социалистических преобразований. В годы гражданской войны численность ее значительно выросла. В 1920 г. интеллигенты и служащие составляли почти четвертую часть от общего состава партии. К этому времени коммунистами были 6,5 тыс. техников и механиков, около 10 тыс. педагогов и других работников народного просвещения, 1,5 тыс. врачей и фельдшеров, 1 тыс. агрономов, землемеров, ученых-лесоводов, 1,6 тыс. инженеров, литераторов, статистиков, юристов, 2 тыс. работников искусства, 5,3 тыс. работников связи, 45 тыс. служащих государственного аппарата, 1,7 тыс. военных специалистов (только в тыловых частях и учреждениях) [4]. Несомненно в действующей армии их было значительно больше. В партию вступили такие бывшие офицеры, ставшие видными советскими военачальниками, как А. И. Егоров, Н. В. Куйбышев, М. А. Демичев, М. Н. Тухачевский, М. Я. Германович, Е. И. Ковтюх, Н. Д. Каширин, М. К. Левандовский, В. М. Орлов и др. В годы гражданской войны с партией связали свою судьбу

многие представители интеллигенции, которые уже были или вскоре стали выдающимися деятелями советской науки, литературы, искусства: Д. А. Фурманов, В. Я. Брюсов, Л. М. Рейснер, А. И. Свирский, В. Э. Мейерхольд, М. К. Курако, Ю. Н. Либединский, С. Сейфуллин, Ф. В. Гладков, О. Ю. Шмидт, Е. С. Варга, П. П. Бажов, В. М. Киршон, М. Е. Кольцов, С. П. Подъячев, В. П. Полонский, А. С. Серафимович, В. П. Сосюра, А. А. Фадеев, И. С. Фефер, Е. Чаренц и многие другие.

Большевистская интеллигенция, являясь примером для всей массы демократической интеллигенции, оказала немалое, словом и делом, влияние на ее позиции и политическое поведение в новых исторических условиях. Рука об руку с большевиками шла та интеллигенция, которая только в революции, совершаемой рабочим классом, видела единственный путь решения острых социальных проблем, вставших перед страной. История того времени знает немало крупных ученых, инженеров, писателей, артистов, врачей, учителей и т. д., которые, поняв, что новый общественный строй несет прогрессивные перемены в судьбах Родины, поставили свои знания и опыт на службу рабоче-крестьянской власти. В декабре 1917 г. В. И. Ленин отмечал, что «образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитала» [5]. Но если они тогда еще только начинали «выделяться», то по прошествии немногим более года В. И. Ленин мог констатировать, что «мы уже добились в среде колеблющейся интеллигенции громадного перелома» [6], что «*каждый месяц* в Советской республике *растет* % буржуазных интеллигентов, *искренне* помогающих рабочим и крестьянам» [7].

В целом же как в период революции, так и в труднейшие годы ожесточенной борьбы за сохранение и упрочение революционных завоеваний, диктатура пролетариата оказалась хорошо обеспеченной интеллектуальными силами. Этот факт может послужить исходным пунктом многих интересных разработок.

Вместе с тем и контрреволюция имела на своей стороне значительные и энергичные кадры высокообразованной буржуазной интеллигенции, которые сплачивали антисоциалистические силы на контрреволюционной идейной платформе, руководили борьбой свергнутых классов. Буржуазная интеллигенция создавала различного рода контрреволюционные центры, составляла белогвардейские правительства, вела антисоветскую пропагандистскую работу, непосредственно руководила вооруженной борьбой. В дни революции, в годы гражданской войны рябушинские предпочитали на первый план выпускать милюковых, струве, савинковых — подлинных инженеров контрреволюции.

Не следует недооценивать силу воздействия контрреволюционной интеллигенции на ход событий. Многие из тех, кто оказался в лагере реакции, были крупными публицистами, литераторами, опытными политиками, талантливыми организаторами, способными военными специалистами. Они сумели организовать и в течение трех лет вести упорную и ожесточенную борьбу против подавляющей массы насе-

ления. Но тем весомее оказалась цена победы большевиков, выигравших ее не только на поле боя, но и в «битве умов».

Таким образом, интеллигенция выполняла роль идейного оформителя и выразителя, а также и практического организатора как революционного, так и контрреволюционного движения. Этот вывод ни в коей мере не означает, что интеллигенция «сделала» революцию, как это утверждают буржуазные историки. Революцию, впрочем как и контрреволюцию, делали классы, а интеллигенция играла весьма важную, но не решающую роль их помощника и союзника. В. И. Ленин указывал, что интеллигенция не представляет самостоятельной политической силы, что, «не примыкая к классу, она есть нуль»[8]. Однако интеллигенция обретает реальную силу, если она последовательно выступает в защиту интересов того или иного класса, переходит на его позиции. В то же время сила класса в немалой мере зависит от возможностей и способностей поддерживающей его интеллигенции, от степени ее усилий и активности в решении классовых задач.

Не меньший интерес представляет вопрос, который в той или иной форме затрагивается во многих работах советских и зарубежных исследователей, а именно вопрос об отношении интеллигенции к революции, а точнее политическом размежевании этого социального слоя. Буржуазные ученые утверждают, что революция вырыла глубокую пропасть между народом и интеллигенцией. Но здесь требуется одно существенное уточнение. Эта пропасть образовалась между народом и контрреволюционной интеллигенцией, а не между народом и интеллигенцией вообще. Революция показала, что не было единой интеллигенции, как не было ее пресловутой надпартийности и надклассовости. С буржуазией пошла одна часть интеллигенции, с революцией — другая. Опыт развития революции показал, что пролетариат, вступая в полосу непосредственной борьбы за власть, не остался без интеллигенции вообще. На его стороне выступила наиболее активная и энергичная, сильная верой в народ, в необходимость социальных перемен часть интеллигенции, которая явилась верным союзником рабочего класса в его борьбе за свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата.

Но какие массы интеллигенции оказались по ту и эту сторону баррикад? В течение долгого времени в советской историографии было принято считать, что после Октября интеллигенция разделилась на три группы: наименее квалифицированная часть интеллигенции приветствовала революцию и содействовала ее победе, средние слои заняли нейтральную позицию, верхи революцию встретили враждебно. Соответственно считалось также, что буржуазная интеллигенция целиком была контрреволюционной, а мелкобуржуазная или колебалась, или была на стороне революционного народа. И когда заходила речь об учителях, техниках, агрономах и других массовых профессиях, то обычно подчеркивалось, что эти люди восторженно встретили революцию.

Такое непосредственное соотнесение иерархического положения отдельных групп интеллигенции с их политической реакцией на революцию представляется слишком прямолинейным и однозначным. Оно не учитывает «индивидуализма» интеллигентов, на который указывал Ленин, оставляет в стороне сложности и противоречия мировоззрения отдельных личностей внутри какой-либо группы или слоя интеллигенции. В самом деле, как, придерживаясь этой схемы, можно объяснить, что, например, барон генерал фон Таубе командовал в Сибири советскими войсками и погиб в застенках колчаковцев, а там же, в Сибири, учитель Пепеляев возглавил колчаковское правительство, что значительная часть учителей и врачей объявила саботаж?

В определении послеоктябрьской позиции того или иного интеллигента его социальное происхождение или его профессиональный, иерархический ранг не всегда играли решающую роль. Поэтому точнее будет полагать, что каждая из групп интеллигенции — высшая, средняя, низшая — не была едина в смысле своего политического облика, что в отношении к революции разделительная линия проходила не только между названными группами интеллигенции, но и внутри этих групп. Так что необходим сугубо дифференцированный подход. Это — важнейшее методологическое условие изучения истории интеллигенции того периода.

Столь же неточно отражающими историческую реальность представляются попытки некоторых советских исследователей отодвинуть далеко вправо позиции интеллигенции во время Октябрьской революции и последовавшей затем гражданской войны. Указывая на саботаж и контрреволюционные действия части интеллигенции, они готовы поставить под сомнение демократизм основной массы этого общественного слоя. И здесь необходим дифференцированный подход.

Действительно, позорный саботаж части интеллигенции имел место. В него были вовлечены главным образом государственные служащие, врачи, учителя. Кстати сказать, он не был явлением повсеместным, поголовным и хроническим, как пишут некоторые исследователи. К весне 1918 г. активный и организованный саботаж был сломлен. Также верно и то, что определенная часть интеллигенции выступила как идейный враг диктатуры пролетариата, сражалась до конца, а уцелевшие ушли в эмиграцию и там продолжали бороться против Советского государства.

Антисоветизм этой части интеллигенции получает в советской литературе отображение объективное, хотя и наблюдается такое явление, как излишне расширительное толкование понятия контрреволюционности интеллигенции, распространение этой ее оценки на слои и группы, которых к активным врагам Советской власти причислить нельзя. Думается, что такая тенденция идет еще от первых лет революции, когда под влиянием чрезвычайной остроты классовой борьбы левацких элементов, а также поведения части интеллигенции сложился комплекс представлений об интеллигенции только как о силе всецело антиреволюционной. Видимо, по этой причине история интеллигенции, особенно на революционном переломе, стала глубоко изучаться немногим более двух десятилетий назад.

Не можем ли мы сказать, что основная, подавляющая часть ин-

теллигенции занимала активные антисоветские позиции и по мыслям своим и по делам? Утверждать так нет оснований. В пользу этого мнения история дает обильный материал. Взять хотя бы, в качестве примера, вооруженное восстание в Петрограде. Передовая, наиболее демократическая часть интеллигенции приняла самое деятельное участие в свержении Временного правительства. Из более чем 500 активных участников вооруженного восстания в Петрограде, чьи краткие биографии приведены в известном двухтомном сборнике «Герои Октября», более 40% — это интеллигенты, большевики или беспартийные [9], причем там можно найти и простого учителя, и доктора Сорбонны. Демократическая интеллигенция принимала активное участие в установлении Советской власти на местах. Ее представители входили в состав новых органов власти, возглавляли хозяйственные и культурные учреждения, занимали важные посты в Красной гвардии и Красной Армии. Вместе с рабочими и крестьянами передовая демократическая интеллигенция отстаивала завоевания Октябрьской революции.

Однако не вся демократическая интеллигенция поддерживала пролетарскую революцию и большевиков. Значительная часть ее состояла в мелкобуржуазных партиях. Недаром некоторые современники партию эсеров называли «учительской партией». Октябрь нанес сильнейший удар по этим партиям, ускорил процесс их раскола, дробления, а затем и окончательного распада. Лидеры, верхушечная часть эсеровской и меньшевистской партий с первых же дней революции заняли сугубо враждебные, контрреволюционные позиции, что привело их затем в лагерь белогвардейщины. Достаточно вспомнить такие имена, как Б. Савинков, Н. Чайковский, В. Чернов и др. Что же касается рядовой массы, то ее отношение к социалистической революции было неоднозначным. Многие эсеры, меньшевики во все годы революции, гражданской войны шли за своими вождями, являлись активными участниками борьбы против диктатуры пролетариата. Другие же, особенно из левых эсеров, одни раньше, другие позже, поняли великую правоту большевизма и выступили на стороне революционного народа. Так, уже в дни вооруженного восстания в Петрограде офицер Ю. В. Саблин был членом ВРК, одним из руководителей разгрома калединщины. Вскоре он вступил в большевистскую партию, командовал дивизиями, армейскими группами, принимал активное участие в подавлении кронштадтского мятежа. То же самое можно сказать о будущем маршале А. И. Егорове. Таких примеров немало.

Ленинская линия — контрреволюцию отсекать, культурно-буржуазный аппарат использовать — позволяла, учитывая колебания эсеро-меньшевистской интеллигентской массы, получать полезных работников в различных сферах экономики, культуры. Отмечая, что меньшевистская партия состоит преимущественно из слоя мелкой интеллигенции, В. И. Ленин указывал, что «этот слой отходит к нам. Мы его весь заберем, как слой. Каждый раз, когда они идут к нам, мы говорим: „Милости просим". При каждом из этих колебаний часть их отходит к нам. Так было с меньшевиками и новожизненцами, с эсерами, так будет со всеми этими колеблющимися элементами...» [10].

Логика революции, а также идейный крах мелкобуржуазного демократизма привели в ряды коммунистов немало эсеров и меньшевиков, воочию убедившихся в жизненности и народности партии рабочего класса. К середине 1922 г. в РКП(б) состояло до 22,5 тыс. выходцев из мелкобуржуазных партий и группировок [11]. Среди них значительную часть составляли интеллигенты. Такие люди, как С. И. Аралов, А. И. Егоров, С. Г. Лазо, М. К. Левандовский, Ф. К. Миронов, Д. А. Фурманов и многие другие выходцы из мелкобуржуазных партий, стали подлинными большевиками-ленинцами. В русле борьбы за социалистическую революцию лежала деятельность таких ученых, как А. Н. Бах, П. П. Блонский, Л. В. Писаржевский, а также многих учителей, агрономов, врачей и других представителей интеллигенции, ранее состоявших в эсеровской и меньшевистской партиях. Историческая действительность наглядно опровергает утверждения буржуазных историков и публицистов о том, что российская интеллигенция целиком и полностью не приняла Октябрь, что социалистическая революция не нашла поддержки в образованных слоях общества. Факты убеждают, что на сторону пролетарской революции перешло немало даже тех людей, которым по их партийной принадлежности следовало бы отвергнуть ее.

Но здесь речь идет о наиболее активной в политическом отношении части демократической интеллигенции. А каковы были позиции тех ее групп, которые не ушли в стан контрреволюции, но и не заявили открыто о поддержке новой власти, а заняли так называемую нейтральную позицию? Ведь это была наиболее массовая часть интеллигенции. Обычно, когда пишут о настроениях интеллигенции в те годы, то приводят в качестве примеров высказывания, декларации, заявления тех или иных интеллигентов как показатель их политических симпатий и антипатий. Эти высказывания были отнюдь не в пользу большевиков. Но всегда ли за словом следовало дело? Далеко не всегда. Именно за многоречивость и неумение воплотить звонкие фразы в конкретные дела критиковал русскую интеллигенцию В. И. Ленин. В определении удельного веса враждебных и лояльных пролетарской власти слоев интеллигенции нельзя судить только лишь по настроениям и эмоциям самих интеллигентов. В этом плане представляется весьма интересным замечание сибирских историков С. А. Красильникова и В. Л. Соскина о том, что «недопустимо смешение враждебных настроений, довольно массовых в тот период, с враждебной деятельностью, которой занимались лишь определенные группы. И столь же необоснованно ставить знак равенства между позицией неучастия в саботаже и лояльным отношением к Советской власти» [12].

Факты свидетельствуют, что очень многие интеллигенты не поняли революции, не сочувствовали идеям большевиков, высказывали резкую критику в их адрес. Но эти люди делали главное для республики — они работали. Инженер продолжал трудиться на заводе, врач — лечить, учитель — учить детей. Десятки тысяч специалистов

трудились в промышленности, сотни тысяч — в системе народного просвещения, культуры, сотни же тысяч служили в государственном аппарате, 75 тыс. бывших офицеров и генералов стали командирами Красной Армии. Уже вскоре после свершения революции большинство интеллигенции работало на советских предприятиях и в учреждениях.

Все это позволило новому строю получить огромный выигрыш. В самом деле, уже в первые годы революции значительно увеличилось число детей в школах. Промышленность в условиях разрухи и войны все же поддерживалась, хотя и на очень низком уровне. Сложился новый государственный аппарат, была создана регулярная армия. Конечно, только своими силами рабочий класс не смог бы справиться с огромными и сложными задачами, если бы не труд интеллигенции.

Вот почему представляется, что основным и наиболее объективным критерием лояльности или враждебности интеллигенции были не слова и настроения, а конкретные дела, ее реальный вклад в укрепление диктатуры пролетариата. И если без привходящих эмоциональных наслоений, основываясь на реальном анализе положения молодой Советской республики, попытаться оценить, каков же был вклад интеллигенции в успех Октябрьской революции — хотя бы в лице большевистской и близких к ней кругов демократической интеллигенции, в поддержание народного хозяйства и развитие культуры —в лице так называемой нейтральной интеллигенции, в победу над интервентами и белогвардейцами — в лице военных специалистов, о которых Ленин говорил, что без них не было бы побед Красной Армии, то следует признать, что он, этот вклад, был весьма значительным, объективно имеющим жизненное значение для судеб революции и диктатуры пролетариата. В массе своей интеллигенция тогда не понимала политических целей коммунистов. Пройдет немного времени и она прекрасно будет разбираться в большевистской политике.

Таким образом, опыт Октябрьской революции свидетельствует, что рабочий класс взял власть в свои руки без непосредственной помощи широких масс интеллигенции. Но удержать ее, а тем более закрепить, добиться победы социализма, без интеллигенции невозможно. В. И. Ленин подчеркивал: «Нельзя построить коммунизм без запаса знаний, техники, культуры, а он находится в руках буржуазных специалистов. Среди них большинство не сочувствует Советской власти, но без них построить коммунизм мы не можем» [13]. В этом заключалась одна из диалектических особенностей становления социалистического общества.

Вместе с тем следует иметь в виду, что интеллигенция, особенно буржуазная, не была тем слоем, который всецело определял интеллектуальный потенциал страны. Буржуазная интеллигенция была сильна своими специальными знаниями, опытом, культурными навыками, но в то же время она отнюдь не являлась «солью земли», «разумом народа», как ее пышно именовали буржуазные публицисты. Интеллектуальные силы трудового народа, пробужденные к активному творчеству революцией, оказались способными не только усвоить лучшие достижения буржуазной цивилизации, но и создать новую культуру, более жизнеспособную и прогрессивную, нежели культура эксплуататорского общества.

И еще один вопрос — о мотивах, побуждавших старую интеллигенцию изменять свое отношение к Советской власти. Не так давно бытовало мнение, что главным рычагом, при помощи которого удалось вовлечь интеллигенцию в строительство новой жизни, было насилие. Во взаимоотношениях Советской власти и интеллигенции фактор принуждения имел место. Но он, конечно, не играл первенствующего значения, и позже советские историки отказались от трактовки насилия как метода, игравшего главную роль в повороте интеллигенции к Советской власти. Сейчас в большинстве трудов господствует мнение, что наиболее эффективным побудительным мотивом изменения интеллигенцией своей политической позиции был фактор материальный, что прежде всего в силу заботы партии и государства о материальном благополучии интеллигенции она пошла на службу диктатуре пролетариата. Остальные факторы отодвигаются на второй план или вообще не упоминаются.

На самом деле все обстояло значительно сложнее. Конечно, государство делало все возможное для облегчения материальных трудностей интеллигенции. Но вместе с тем следует иметь в виду, что возможности его были весьма ограниченными. Уровень жизни интеллигенции всех ее групп не только в годы революции, но и вообще в переходный период был значительно ниже дореволюционного.

В том, что интеллигенция в массе своей повернула в сторону сотрудничества с Советской властью, особенно большую роль играли факторы морального порядка. Здесь в первую очередь следует сказать о демократических воззрениях и традициях российской интеллигенции. Многие авторы, пишущие о предоктябрьском периоде истории нашей страны, полагают, что после первой русской революции интеллигенция заняла веховские, реакционные позиции, а если речь зайдет о ее народолюбии, то это слово не преминут взять в презрительные кавычки, давая понять читателю, что она таковой не была и ей были чужды интересы и нужды народа.

Подобную огульно негативную оценку общественной и политической позиции интеллигенции следует считать сугубо несправедливой. Необходимо не упускать из виду, что этот социальный слой был неоднородным и столь же неодинаковыми были и его политические позиции. Была интеллигенция Бердяева, Милюкова, Струве, но была и интеллигенция Ленина, Горького, Тимирязева, тысячами нитей связанная с народными массами, вышедшая из их среды, питающаяся их настроениями и защищающая их интересы. Демократизм основной массы интеллигенции, ее добросовестное служение народу в условиях самодержавия, даже в самые глухие годы реакции, не подлежит сомнению. Демократическая интеллигенция занимала далеко не последнюю роль в расшатывании института самодержавия, за что в полной мере подвергалась репрессиям. Достаточно сказать, что накануне 1917 г. среди политических ссыльных в Сибири группа ин-

теллигентов была второй по численности после рабочих — около 40% [14]. Несомненно, демократические традиции интеллигенции сыграли положительную роль в процессе перехода ее большинства на службу народному государству.

Далее, советскими авторами совершенно оставляется в стороне такой важный фактор изменения позиции интеллигенции, как патриотизм самой интеллигенции, глубоко патриотическая деятельность Коммунистической партии и Советской власти. Их внешняя и внутренняя политика была направлена на сохранение и упрочение единства страны, укрепление ее экономической и оборонной мощи, развитие культуры, повышение международного престижа государства. Эта сторона деятельности партии и Советской власти не могла не импонировать подавляющей массе интеллигенции, постепенно понимавшей, что коммунисты не будут, подобно царской камарилье, торговать интересами России. Эти люди осознавали, что Россия прекратит свое существование, будет превращена в полуколонию империалистических государств, если не устоит Советская власть. Отсюда — стремление в той или иной форме помочь революционному народу в его борьбе с врагами, с грозными последствиями хозяйственного разорения. Именно этими благородными побуждениями руководствовался всемирно известный ученый металлург Д. К. Чернов, когда в 1920 г. отверг самые блестящие предложения зарубежных промышленных магнатов и категорически отказался взойти на борт специально присланного за ним из Англии в Крым миноносца. Л. В. Собинов категорически отверг самые блестящие предложения променять тяжелую русскую действительность на безбедное существование во Франции или США. «Что бы ни было и как бы ни было, а из России я никуда не уеду» [15],— заявил он. Этими же мотивами руководствовалась группа видных генералов во главе с А. А. Брусиловым, когда она обратилась с воззванием ко всем бывшим офицерам с призывом добровольно идти в Красную Армию и служить там не за страх, а за совесть, «дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения» [16].

И не только в годы революции и гражданской войны, но и в последующий период любовь к Родине, к России была действенным фактором сближения старой интеллигенции с социальным строем, порожденным Октябрьской революцией. Мысль, что Советская власть, большевики делают важное национальное дело, укрепляя единство страны и защищая ее от иноземных захватчиков, сыграла немалую роль в переходе значительной массы интеллигенции к активной поддержке Советской власти. Сменовеховец Ю. Потехин — лидер этого движения, так говорил о причинах возвращения в СССР: «Веления патриотизма были и остаются тем категорическим императивом, который привел нас из белого лагеря в Красную Москву» [17].

Следует сказать также о любви деятелей науки, культуры к своему делу, об осознании интеллигенцией необходимости своего труда для общенародного дела. Общеизвестно замечание В. И. Ленина о том, что интеллигент придет к социализму *«через данные своей*

науки» [18]. История Октябрьской революции и гражданской войны дает множество примеров, иллюстрирующих и подтверждающих правоту этой ленинской мысли. Авторы многих трудов не забывают привести соответствующую цитату, но развернуть это ленинское положение на конкретном историческом материале почему-то зачастую воздерживаются. Эту ленинскую мысль лучше нас, историков, поняли писатели, художники театра, кино. Достаточно напомнить, какой большой художественной силы образ инженера Забелина создал Н. Погодин в пьесе «Кремлевские куранты».

Серьезным мотивом, побуждавшим интеллигенцию сотрудничать с новой властью, являлась политика партии и государства в отношении культурного наследия. Известно, что тенденциозные представления о всеобщем крушении культуры, о гибели цивилизации, которые несет революция, были тогда свойственны довольно широким кругам интеллигенции. «Погибающую» культуру оплакивали представители старой, буржуазной интеллигенции — растерзанной, отчаивающейся, стонущей, запуганной и запугивающей себя. Анархизм мелкобуржуазных слоев, который ее пугал и отталкивал, она приписывала всем трудящимся. Свои переживания в это сложное время академик С. Ф. Ольденбург впоследствии описал так: «Особенно велика была опасность для культуры, которая глубоко уходила корнями в старую, прежнюю жизнь и потому часто казалась совсем неприемлемой или мало приемлемой для нового строя. И оттого исключительно трудно было найти здесь настоящий путь. Были минуты, когда казалось, что гибнет культура и связанная с нею наука, когда казалось, что никому они не нужны в том великом перевороте, который так быстро совершился» [19].

Что же происходило на самом деле в России того времени?

Социалистическая революция покончила с господством помещиков и капиталистов, сокрушила эксплуататорский строй. Но, разрушив прежние общественные отношения, она не отбросила прочь все, что было создано старым обществом, а многое сохранила и поставила на службу трудовому народу. Это, в частности, относилось к культурным ценностям — материальным и духовным, созданным в условиях эксплуататорского общества. Обеспечить народу доступ к культуре — это ленинское требование было закреплено в программе партии, принятой VIII съездом РКП(б), во множестве декретов Советского правительства, направленных на использование прогрессивных элементов старой культуры для просвещения масс и строительства новой, социалистической культуры. Не будет преувеличением сказать, что буквально на другой день после взятия власти рабочим классом вопросы охраны культурного достояния народа были возведены в ранг вопросов первейшей государственной важности. Конечно, политика большевистской партии и Советской власти в области культуры не могла не находить отклика среди демократической интеллигенции.

Наконец, нельзя не отметить значение такого, сугубо субъективного фактора, как социальная психология интеллигенции. Об этом в исторической литературе почти ничего нет. В последнее время на эту сторону сложного процесса обратил внимание В. С. Волков. Его

статья «Ленинский анализ социальной психологии интеллигенции как составная часть научного обоснования политики партии по отношению к старым специалистам после победы Великого Октября» [20] — одна из немногих работ, в которой подчеркивается значение не только социально-экономических факторов в определении позиции интеллигенции, что обычно и делается, но и факторов субъективных, социально-психологических, которые далеко не всегда принимаются во внимание историками интеллигенции и не избираются объектами исследования. В. С. Волков отмечает, что социальная психология буржуазной интеллигенции имела целый ряд черт и особенностей, серьезно препятствовавших ее переходу на социалистические позиции. И если бы этими чертами и особенностями она, психология, исчерпывалась, то вряд ли такой переход был бы вообще возможен. Но в социальной психологии интеллигенции имелись и такие качества (например, склонность осмысливать общественные явления через призму своего жизненного опыта, профессиональных взглядов, сочувствие обездоленному люду и т. п.), которые помогали ей найти место в стане трудового народа.

Решающую роль в изменении отношения интеллигенции к новому социальному строю сыграла политика Коммунистической партии. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, партия твердо и неизменно проводила в жизнь линию на всемерное привлечение старой интеллигенции к строительству социализма, перевоспитания в духе социалистической идеологии колеблющихся и сомневающихся, решительно пресекая контрреволюционные поползновения реакционной части интеллигенции.

Здесь затронуты лишь некоторые вопросы большой и многогранной проблемы «Октябрь и интеллигенция» — проблемы, настоятельно нуждающейся в дальнейшей углубленной разработке. Даже при наличии ряда значительных трудов она является еще недостаточно изученной во многих своих аспектах. В самом деле, мы не имеем сколько-нибудь обобщающей работы, в которой бы исследовалась история интеллигенции в предреволюционный период, в преддверии Октября. А ведь именно туда уходят начала решений, там завязываются узлы событий и коллизий, там следует искать объяснение мотивов, побудивших ту или иную группу интеллигенции занять определенные позиции в революции. У нас нет ни одного труда, посвященного истории непосредственного участия интеллигенции в октябрьских революционных событиях, в установлении Советской власти на местах. Нет также исследования о роли в революции большевистской партийной интеллигенции. Еще много неясных и спорных вопросов в анализе политического размежевания интеллигенции. Ждет своего исследователя история той части интеллигенции, которая оказалась в лагере контрреволюции. У нас нет труда, в котором бы на обширном историческом материале раскрывался международный аспект темы «Октябрь и интеллигенция».

Перечень недостаточно исследованных или совершенно не затронутых изучением проблем можно продолжить и не только применительно к периоду Октябрьской революции. Однако и из сказанного

ясно, сколь широкое поле деятельности простирается перед историками советской интеллигенции.

---

[1] См.: В. И. Ленин, КПСС об интеллигенции. М., 1979.

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 450.

[3] Подсчитано по кн.: Личный состав РКП в 1920 г. М., 1921, с. IX—XI.

[4] Личный состав РКП в 1922 г. М., 1923, с. 28—29.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 198.

[6] Там же, т. 38, с. 169.

[7] Там же, т. 51, с. 25.

[8] Там же, т. 1, с. 441.

[9] Герои Октября: Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1967. Т. 1—2. Примечательны следующие факты из биографии беспартийного морского специалиста А. А. Кондратьева, показывающие, что он и люди, подобные ему, являлись не случайными участниками октябрьских событий в Петрограде. Перед ним, лейтенантом, корабельным артиллеристом линкора «Император Александр III», открывалась блестящая военная карьера. Однако в 1916 г., когда 32 матросам, участникам восстания на линкоре «Гангут», угрожала смертная казнь, А. А. Кондратьев добровольно взял на себя их защиту. Он выступил на суде с такой убедительной и блестящей речью, что его аргументы в значительной степени повлияли на приговор: некоторые матросы получили сравнительно мягкие наказания, часть была оправдана. После Февральской революции команда корабля единодушно избрала его своим командиром. По заданию Кронштадтского комитета РСДРП и Кронштадтского Совета он возглавлял колонну матросов, посланную в Петроград в июле 1917 г. для участия в демонстрации против Временного правительства, был контужен во время обстрела, но не покинул матросских рядов. В октябрьские дни по приказу ВРК А. А. Кондратьев прикрывал подступы к Петрограду от генерала Краснова, принимал активное участие в формировании боевых матросских отрядов.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 169.

[11] Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М., 1923, вып. 4, с. 44.

[12] *Красильников С. А., Соскин В. Л.* Октябрь и политические позиции сибирской интеллигенции (к историографии проблемы) — В кн.: Партийные организации Сибири и Дальнего Востока в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1922 гг.). Новосибирск, 1978, с. 31.

[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 314.

[14] *Хазиахметов Э. Ш.* Сибирская политическая ссылка 1905—1917 гг. (Облик, организации, политические связи). Томск, 1978, с. 21.

[15] Советская музыка, 1957, № 11, с. 29.

[16] Правда, 1920, 30 мая.

[17] *Федюкин С. А.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 346.

[19] Научный работник, 1926, № 5/6, с. 3.

[20] В кн.: Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества. Вып. 2. Л., 1978, с. 3—11.

II

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

•

А. В. УШАКОВ

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПЕРИОДА БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

(профессиональная и политическая структура)

Вопрос о месте, роли и составе интеллигенции в период буржуазно-демократических революций в России актуален в научном и политическом отношении. Пролетариат, гегемон революций, объединивший и поднявший на борьбу с самодержавием широкие трудящиеся массы, повел за собой и демократическую интеллигенцию. В современную эпоху передовая интеллигенция по-прежнему играет важную роль в освободительном движении в странах капитала. Она все более активно выступает против империализма, агрессивной политики правящих кругов, разгула расизма, шовинизма и реакции. В тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» говорится: «Среди союзников пролетариата все более серьезную роль играет прогрессивная интеллигенция» [1].

Участие российской интеллигенции в революционном движении начала XX в. привлекало внимание как дореволюционных, так и советских исследователей.

Буржуазно-либеральные авторы (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, П. Б. Струве, П. Н. Милюков и др.), хотя и считали интеллигенцию «нервом и мозгом революции», резко отрицательно относились к ее революционной борьбе [2]. Меньшевики (А. Потресов, Н. Череванин, В. Горн, В. Меч и др.) преувеличивали роль интеллигенции в революционном движении и отрицали связь ее борьбы с движением пролетариата [3]. Представители так называемой махаевщины — мелкобуржуазного течения в российском революционном движении (В. К. Махайский, Е. Лозинский) считали интеллигенцию враждебным пролетариату паразитическим классом, а деклассированные элементы — базой революции [4]. В настоящее время буржуазные фальсификаторы истории и оппортунисты, изменившие делу рабочего класса (Р. Гароди, Э. Фишер, Г. Маркузе и др.), возродили меньшевистскую концепцию о ведущей роли интеллигенции в развитии общества [5].

Только в работах ученых-марксистов содержится научная характеристика интеллигенции и правильное определение ее места в освободительном движении. Большую ценность для изучения роли интеллигенции в российских революциях представляют труды видных деятелей большевистской партии — В. В. Воровского, А. В. Луначарского и С. И. Мицкевича [6].

Революционное движение и состав демократической интеллигенции в конце XIX — начале XX в., перед революцией 1905—1907 гг., показаны в книгах В. Р. Лейкиной-Свирской и А. В. Ушакова [7]. Одно из достоинств фундаментального труда В. Р. Лейкиной-Свирской — учет особенностей интеллектуального труда при выявлении профессионального состава интеллигенции. В то же время автор не дает политической структуры интеллигенции. В монографии объединяются в особую внеклассовую и внепартийную группу деятели революционного движения.

Участию интеллигенции в первой российской революции посвящены монографии Л. К. Ермана и В. С. Ониани [8]. Л. К. Ерман впервые с достаточной полнотой определил численность и состав интеллигенции в период империализма. Помимо монографии, эта проблема освещается и в специальной его статье [9]. Однако не со всеми положениями автора можно согласиться. В книге В. С. Ониани отсутствует четкость при анализе социальной, политической и профессиональной структуры интеллигенции. Так, буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция автором зачисляются в одну группу [10].

О вкладе интеллигенции в освободительную борьбу между первой и второй буржуазно-демократическими революциями можно найти некоторый материал в отдельных статьях и кандидатских диссертациях [11].

Наиболее удачно рассматривается вопрос о политических позициях интеллигенции, ее эволюции и размежевании в период буржуазно-демократических революций в работе Г. И. Щетининой [12].

Обстоятельный анализ роли интеллигенции и ее политической ориентации в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции содержится в исследованиях С. А. Федюкина, В. Л. Соскина и Н. И. Вострикова [13].

Краткий анализ литературы показывает, что советскими историками проведена значительная работа по изучению социальный, политической и профессиональной структуры интеллигенции в эпоху империализма. Но потребуются еще значительные коллективные усилия исследователей для решения проблемы.

Эта задача облегчается наличием многих ленинских трудов, в которых анализируется роль интеллигенции в буржуазно-демократических революциях.

В. И. Ленин относил к интеллигенции «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда» [14]. Интеллигенты — это люди, для которых умственный труд является основным занятием. Интеллигент должен иметь определенный уровень образования, получен-

ного в высшем или среднем учебном заведении, в отдельных случаях — путем самообразования.

В. И. Ленин указывал, что демократическая интеллигенция являлась союзником рабочего класса в борьбе с самодержавием [15]. «Чем дальше, тем больше сталкиваются с самодержавием... интересы интеллигенции...» [16],— писал В. И. Ленин. Интеллигенция угнеталась не только царским правительством, но и терпела нередко эксплуатацию со стороны капиталиста и известное социальное принижение [17]. Поэтому она могла стать *«при условии сближения с народом»* крупной силой в борьбе с царизмом [18]. Сражаясь под руководством пролетариата против царизма, интеллигенция несла наряду с рабочими «все неимоверные тягости революционной борьбы» [19].

Хотя в пролетарский период интеллигенция уступила первенство в революционном движении рабочему классу, доля борцов против самодержавия среди представителей этого слоя населения все еще была велика (около 30%). Об этом свидетельствуют данные, приведенные В. И. Лениным в работе «Роль сословий и классов в освободительном движении» [20].

Особенно важна была роль интеллигенции в разработке передовой теории. В книге «Что делать?» В. И. Ленин писал, что «в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции» [21]. Учение социализма выросло «из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией» [22]. Передовой интеллигенцией вносилось в массы пролетариата социалистическое сознание, так как своими собственными силами рабочие могли выработать лишь сознание тредъюнионистское.

В. И. Ленин подчеркивал, что интеллигенция не является самостоятельным экономическим классом [23], представляя собой общественную прослойку. По своему составу она неоднородна. «Состав „интеллигенции“,— отмечал В. И. Ленин,— обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей...» [24].

Нам представляется, что интеллигенцию по роду занятий можно разделить на четыре группы: 1) интеллигенция, занятая в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и на транспорте (инженеры, техники, агрономы, бухгалтеры, управляющие и др.); 2) интеллигенция, работавшая в области культуры и идеологии (учителя, медицинские работники, творческая интеллигенция, духовенство); 3) интеллигенция, служившая в государственных учреждениях. Кроме чиновничьей интеллигенции, большой удельный вес имела в государственном аппарате военная интеллигенция — начальствующий состав армии, флота и пограничной стражи; 4) учащиеся высших и средних учебных заведений.

В исследованиях Л. К. Ермана и В. С. Ониани дается иная классификация интеллигенции по профессиональному признаку. Они

включают в состав интеллигенции также низших служащих государственных, промышленных, торговых, сельскохозяйственных учреждений и предприятий (конторщиков, переписчиков, секретарей, телефонистов, телеграфистов, почтальонов, кондукторов, машинистов, аптекарских учеников и др.) [25]. Однако представители этих профессий не отвечают необходимым признакам лиц, относимых к интеллигенции: образование их в большинстве случаев ограничивалось начальной школой и профессиональная деятельность не была связана с умственным трудом. Эти служащие представляли собой особый слой лиц наемного труда, стоящий между рабочими и интеллигенцией.

В то же время Л. К. Ерман, а вслед за ним В. С. Ониани и Г. И. Щетинина исключают из состава интеллигенции такие две крупные группы, как духовенство и учащихся [26]. Правда, не говоря об учащихся при определении состава интеллигенции и ее численности, Л. К. Ерман довольно подробно анализирует их участие в революционной борьбе в книге «Интеллигенция в первой русской революции» [27].

Духовенство (кроме псаломщиков, дьячков и других мелких служителей в богослужебных зданиях — их всех можно причислить к низшим служащим) получало солидное богословское и некоторое общее образование в духовных семинариях и духовных академиях. Его, несомненно, следует отнести к работникам умственного (хотя и реакционного по характеру) труда. Причисляя духовенство к интеллигенции, работающей в области культуры и идеологии, мы исходим из известного ленинского положения о том, что «*в каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только „элементов“, а в виде *господствующей* культуры. Поэтому „национальная культура“ вообще *есть* культура помещиков, попов, буржуазии» [28].

Студентов, а также учащихся средних учебных заведений (общеобразовательных — старших классов гимназий и реальных училищ) и специальных (среднетехнических, земледельческих, медицинских, педагогических, духовных, военных) следует отнести к интеллигенции по уровню получаемого ими образования и по роду занятий (умственный труд).

Помимо профессионального состава интеллигенции, отчетливо проявляется и ее политическое деление. В период буржуазно-демократических революций оно совпадало с политическим размежеванием всего общества, существовавшим в стране. На политической арене выступали три лагеря: 1) помещики во главе с царской бюрократией; 2) либеральная буржуазия и 3) представители демократического лагеря (пролетариат со своими союзниками — крестьянством и мелкобуржуазными слоями городского населения, в том числе демократической интеллигенцией). Интеллигенция также подразделялась на эти три лагеря, выражая наиболее полно интересы каждого из них.

Идеологами первого и второго лагерей были монархически и либерально-монархически настроенные интеллигенты.

Во главе демократического лагеря стояла революционная социал-демократия — большевики, выражавшие позицию пролетариата. Партия большевиков объединяла как рабочих, входивших в партийные организации, так и интеллигентов-партийцев. Первые преимущественно представляли собой рабочую интеллигенцию, вторые — интеллигентов, пришедших в партию из других социальных слоев. Однако смешивать социал-демократов — рабочих интеллигентов с социал-демократами — интеллигентами по образованию и профессии не следует. В. И. Ленин никогда такого смешения не допускал. Он писал: «...пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей» [29]. Интеллигенцией, которую вырабатывает пролетариат, Владимир Ильич считал рабочих — передовиков, вожаков рабочего класса: «История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение... В России уже есть эта „рабочая интеллигенция", и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись...» [30]. В. И. Ленин неоднократно отмечал факты прихода в пролетарскую партию интеллигенции из различных непролетарских слоев российского общества [31]. Еще в 1899 г. В. И. Ленин констатировал: «...помощники рабочим из рядов интеллигенции продолжают притекать, несмотря на переполнение тюрем и мест ссылки» [32].

Социал-демократическая интеллигенция (т. е. рабочая и нерабочая интеллигенция, входившая в большевистскую партию) объединяла и вела на борьбу с самодержавием широкие круги демократической интеллигенции.

Наиболее массовым слоем демократической интеллигенции была интеллигенция мелкобуржуазная. В. И. Ленин относил ее к зажиточным мелким хозяевам [33]. Большинство представителей этой группы находилось в бесправном положении и беспощадно эксплуатировалось капитализмом и царизмом. Это были народные учителя, многие медицинские работники, средний технический персонал, большинство работников искусств, основная масса учащихся высших и средних учебных заведений. Владимир Ильич отмечал, что по всем условиям своей жизни мелкобуржуазная интеллигенция была враждебна всякой пуришкевичевщине, всякому союзу с ней [34].

Мелкобуржуазная интеллигенция занимала своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти по своим связям, материальному положению, воззрениям к буржуазии, отчасти к рабочим, по мере того как капитализм все более и более отнимал самостоятельное положение у интеллигента и превращал его в наемного работника [35].

В состав демократической интеллигенции входили также представители других социальных слоев — работники умственного труда, выступавшие против абсолютизма.

Таким образом, демократическая интеллигенция состояла из интеллигенции: 1) социал-демократической; 2) мелкобуржуазной и

3) интеллигентных выходцев из других классов, занявших демократические позиции.

В нашей исторической литературе иногда наблюдается слишком упрощенный, прямолинейный подход к вопросу о политическом составе интеллигенции. Отдельные историки политическую позицию интеллигенции обязательно ставят в зависимость от ее социальной принадлежности, материального положения, места в иерархической лестнице, квалификации и профессии. Они считают, что к дворянско-монархическому лагерю непременно принадлежали интеллигенты из дворян, занимавшие должности крупных чиновников и офицеров; буржуазно-либеральная интеллигенция обязательно включала профессоров, адвокатов и журналистов, а пролетарская — революционеров, выходцев из неимущих слоев [36]. Такая схема неверна, так как сводит сложные явления к простым, игнорирует богатейшую гамму политических, психологических, профессиональных и других факторов. В жизни работников умственного труда все было гораздо сложнее. И это уже отметили (правда, только применительно к периоду социалистической революции) С. А. Федюкин, В. Л. Соскин и П. П. Амелин [37]. С. А. Федюкину первому принадлежит мысль о том, что размежевание в среде интеллигенции по вопросу о политической позиции проходило не между различными социальными и профессиональными группами, а внутри их [38].

На позицию интеллигента влияла вся сложность российской действительности (в экономической, социальной, политической, культурной, национальной и других областях жизни). Большое значение имело «неустойчивое, противоречивое» положение интеллигенции, вызывавшее постоянные колебания ее между революцией и реакцией, мировоззренческий эклектизм, расплывчатость социальных идеалов [39].

Политическая ориентация интеллигенции определялась также особенностями судеб каждого индивидуума, многообразием условий формирования его взглядов, различиями в объеме и характере социального опыта, индивидуальными особенностями структуры сознания отдельных людей. Нередко сама сущность высокообразованных, мыслящих людей, их стремление к познанию действительности, к истине, а также демократические традиции русской интеллигенции приводили представителей господствующих классов, дворян, даже выходцев из знати, детей крупной буржуазии и других в демократический, более того — пролетарский лагерь. Это было отмечено еще А. В. Луначарским [40]. С другой стороны, были случаи, когда интеллигенты, вышедшие из неимущих слоев населения и даже из среды рабочего класса, являлись верными защитниками самодержавия.

В период империализма происходил постоянный рост численности интеллигенции и увеличение ее доли в общей массе населения. Число интеллигенции с 1897 по 1913 г. возросло вдвое, а учащихся в вузах — почти втрое [41].

Наряду с ростом численности всей интеллигенции в конце XIX — начале XX в. в России наблюдался процесс постоянного увеличения

доли интеллигенции, вышедшей из мелкобуржуазных слоев населения: детей крестьян, казаков, мещан, сельского духовенства, мелких служащих, народных учителей, фельдшеров и др. В. И. Ленин отмечал в 1913 г., что появилась новая, «крестьянского звания» интеллигенция, которая была «тысячами нитей связана с *массами* бесправного, забитого, темного, голодного крестьянства...» [42]. К росту числа мелкобуржуазной интеллигенции приводило развитие капиталистического хозяйства в стране, требовавшее все новые и новые кадры учителей, техников, инженеров, агрономов, врачей, юристов, чиновников и др. Их ряды пополнялись за счет неимущих слоев населения, в то время как дети знати предпочитали учиться в закрытых учебных заведениях, готовивших высших государственных служащих и старших офицеров. Русско-японская и первая империалистическая войны привели к резкому возрастанию численности офицерского корпуса за счет выходцев из различных слоев русского общества. Офицерство теряло свою кастовость. Оно лишь на 50% состояло из дворян (не поместных, а служилых) [43].

В высших учебных заведениях возрос процент студентов — детей малообеспеченных родителей. С 1900 по 1916 г. удельный вес представителей мелкобуржуазного студенчества в Петербургском университете увеличился с 27,4 до 35,4% [44]. Такая же картина наблюдалась в Московском, Казанском, Новороссийском, Киевском, Харьковском университетах и в других высших учебных заведениях страны [45].

Некоторые исследователи ошибочно считают, что в высших учебных заведениях преобладали дети имущих родителей, представители привилегированных сословий [46]. Ошибка кроется в том, что в своих подсчетах историки интеллигенции детей дворян и чиновников объединяют в одну группу и не выделяют детей мелких чиновников. А большинство чиновников, именно их низший, наиболее многочисленный слой были людьми малообеспеченными, «чиновническим пролетариатом». Точно так же в одну группу зачисляются дети младших и средних офицеров, городское и сельское духовенство (а в разряд духовенства — разные по имущественному состоянию служители: священники, дьячки, псаломщики и др.). Жизненный уровень младших офицеров и многих деревенских священников был невысок. И дворяне находились не в одинаковом положении. Часть из них была окончательно разорена, деклассирована и, кроме дворянского звания, ничего не имела [47]. Правильной точки зрения придерживаются исследователи, утверждающие, что в 90-х — начале 900-х годов в высших учебных заведениях преобладали представители малоимущих, демократических слоев населения [48].

Социальный состав студенчества, естественно, определял и состав интеллигенции в целом, так как после нескольких лет учебы учащиеся становились учителями, врачами, фельдшерами, агрономами, юристами, художниками и другими специалистами. По данным Л. К. Ермана, за 30 лет, с 1880 по 1911 г., доля дворян среди учителей сократилась с 10,93% до 6,69% [49]. Среди служащих Московского губернского земства медицинские работники из дворян составляли

лишь 29,1%, а среди фельдшеров и акушерок по всей России — только 9,9% [50].

Несомненно, ошибается Н. И. Востриков, который считает, что даже накануне Октябрьской революции по своему происхождению интеллигенты в абсолютном большинстве были выходцами из господствующих классов [51].

Таким образом, по своей профессиональной и политической структуре русская интеллигенция отличалась большой разнородностью. Но самой многочисленной и политически активной была интеллигенция, входившая в демократический лагерь. Число ее постоянно росло как за счет увеличения доли мелкобуржуазной интеллигенции, так и благодаря переходу на сторону народа, борющегося с самодержавием, передовых образованных людей из привилегированных классов. Это расширяло ряды союзников пролетариата, увеличивало его силы и способствовало победе буржуазно-демократической революции.

---

[1] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Сб. док. и материалов. М., 1970, с. 69.

[2] Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1910; *Милюков П. Н.* Год борьбы. СПб., 1907.

[3] *Потресов А.* Этюды о русской интеллигенции. СПб., 1906; *Череванин Н.* Движение интеллигенции.— В кн.: Общественное движение в России в начале XX века/Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. СПб., 1909. Т. 1; *Горн В., Меч В., Череванин Н.* Борьба общественных сил в русской революции. М., 1907. Вып. IV.

[4] См.: *Лозинский Е.* Что же такое интеллигенция? СПб., 1907.

[5] См.: Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами. М., 1974, с. 14—16.

[6] См.: *Воровский В. В.* Русская интеллигенция и русская литература. Харьков, 1923; *Луначарский А. В.* Об интеллигенции. М., 1923; *Мицкевич С. И.* Записки врача-общественника, 1888—1918. М., 1918.

[7] *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; *Ушаков А. В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России, 1895—1904. М., 1976.

[8] См.: *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; *Ониани В. С.* Большевистская партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси, 1970.

[9] См.: *Ерман Л. К.* Состав интеллигенции в России в конце XIX — начале XX вв.— История СССР, 1963, № 1.

[10] См.: *Ониани В. С.* Указ. соч., с. 15—16.

[11] См.: *Ерман Л. К.* Борьба большевистской фракции IV Государственной думы за демократическую интеллигенцию.— В кн.: Большевистская печать и рабочий класс России в годы нового революционного подъема 1910—1914. М., 1965; *Он же.* Газета «Правда» и интеллигенция в годы нового революционного подъема.— Вопр. истории, 1961, № 5; *Медведева Н. Ф.* Деятельность партии большевиков среди интеллигенции в годы реакции (1907—1910).— В кн.: Путь борьбы и побед/Сб. науч. тр. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1975; *Захарова Г. Ф.* Большевистская печать в борьбе за демократическую интеллигенцию в годы нового революционного подъема: Канд. дис. ... ист. наук. М., 1978; *Медведева Н. Ф.* Борьба большевиков за демократическую интеллигенцию в годы реакции (1907—1910): Канд. дис. ... ист. наук. М., 1975.

[12] *Щетинина Г. И.* В. И. Ленин о русской интеллигенции.— В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970.

[13] См.: *Федюкин С. А.* Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству. М., 1960; *Он же.* Советская власть и

буржуазные специалисты. М., 1965; *Он же.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972; *Соскин В. Л.* В. И. Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973; *Востриков Н. И.* Борьба за массы: Городские средние слои накануне Октября. М., 1970.

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 309.

[15] См.: Там же, т. 5, с. 334.

[16] Там же, т. 9, с. 130.

[17] Там же, т. 8, с. 310.

[18] Там же, т. 11, с. 199.

[19] Там же, т. 10, с. 195.

[20] Там же, т. 23, с. 398.

[21] Там же, т. 6, с. 31.

[22] Там же, т. 6, с. 30.

[23] Там же, т. 14, с. 191.

[24] Там же, т. 1, с. 305.

[25] См.: *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции, с. 7—18; *Он же.* Состав интеллигенции в России в конце XIX — начале XX вв., с. 163—171; *Ониани В. С.* Указ. соч., с. 18—19, 23.

[26] *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции, с. 7—18; *Ониани В. С.* Указ. соч., с. 18—19; *Щетинина Г. И.* Указ. соч., т. 131.

[27] См.: *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции, с. 58—60, 146—150, 225—226, 228, 247—249, 294.

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 121.

[29] Там же, т. 6, с. 389.

[30] См.: Там же, т. 4, с. 268—269, 316.

[31] См.: Там же, с. 195; т. 15, с. 252; т. 20, с. 296.

[32] Там же, т. 4, с. 195.

[33] См.: Там же, т. 3, с. 506.

[34] Там же, т. 22, с. 303.

[35] Там же, т. 4, с. 209.

[36] См.: *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции, с. 18—33; *Ониани В. С.* Указ. соч., с. 15.

[37] См.: *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция, с. 33—34; *Соскин В. Л.* Указ. соч., с. 5—8; *Амелин П. П.* Интеллигенция и социализм. Л., 1970, с. 57.

[38] *Федюкин С. А.* Советская власть и буржуазные специалисты, с. 26.

[39] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 209.

[40] *Луначарский А. В.* Указ. соч., с. 45.

[41] Великая Октябрьская социалистическая революция: Энцикл. М., 1977, с. 204.

[42] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 303.

[43] *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973, с. 213.

[44] *Лейберов И. П.* Революционное студенчество Петербургского университета накануне и в период первой мировой войны (март 1914 — февраль 1917 г.).— В кн.: Очерки истории Петербургского университета. Л., 1968, с. 14.

[45] См.: *Васина Э. Л.* Студенчество Московского университета в революционном движении 1901—1903 гг.— Вестн. МГУ. Сер. 9. История, 1955, № 1, с. 126; *Деревинский Д. Л.* Студенческое движение на Украине (1899—1902): Канд. дис. ... ист. наук. Киев, 1948, с. 29; *Элерт А. А.* Студенческое движение в Казани накануне и в период подготовки первой русской революции 1905—1907 гг.: Канд. дис. ... ист. наук. Казань, 1954, с. 79—80.

[46] См.: *Ерман Л. К.* Состав интеллигенции в России..., с. 174; *Васина Э. Л.* Указ. соч., с. 126; *Деревинский Д. Л.* Указ. соч., с. 29; *Элерт А. А.* Указ. соч., с 79; *Востриков Н. И.* Указ. соч., с. 24—25.

[47] См.: *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России. М., 1979, с. 125.

[48] См.: *Выдрин Р.* Основные моменты студенческого движения в России. М., 1908, с. 77; *Николаев А. А.* Хлеба и света. СПб., 1910, с. 79; *Лейберов И. П.* Указ. соч., с. 14.

[49] *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции, с. 15.

[50] См.: *Прокофьева Т. П.* Земские служащие в Московской губернии в конце XIX — начале XX в. (численность, состав, положение).— В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1979, вып. X, с. 125; *Калинин П.* Профдвижение среднего медицинского персонала России: Ист. очерк. М., 1927, с. 8.

[51] См.: *Востриков Н. И.* Указ. соч., с. 24.

●

М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» В ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX в.

В эпоху буржуазно-демократических революций в России вопрос об исторической роли интеллигенции, ее месте в общественной жизни имел актуальное политическое значение. Задачи социального прогресса и революционных преобразований в эпоху империализма и глубоких классовых противоречий неизбежно выдвигали проблему движущих сил исторического развития и в этой связи исторического предназначения интеллигенции.

Представители различных политических партий, направлений общественной мысли неоднозначно оценивали историческое призвание интеллигенции, равно как и вкладывали в это понятие не одно и то же содержание. Отношение к интеллигенции, особенности ее понимания и толкования определялись различием общественно-политических позиций, идеологических направлений и течений общественной мысли.

В данной работе предпринимается попытка показать отношение к интеллигенции представителей различных историографических направлений и раскрыть то содержание, которое они вкладывали в это понятие.

В исторической литературе конца XIX — начала XX в., касающейся истории интеллигенции, отчетливо выявлялись различные точки зрения по данному вопросу, обусловленные классовой и политической ориентацией историков. Разумеется, привлеченная литература не исчерпывает всего комплекса вопросов, связанных с этой темой, но выявляет основные линии в ее изучении.

Особая роль интеллигенции в освободительном движении, как известно, отводилась в народнической идеологии. Народническое мировоззрение основывалось на так называемом субъективном методе в социологии. Сторонники этого метода предназначали интеллигенции ведущее место в историческом развитии, считая ее независимой от материальных интересов определенных классов и способной осуществлять «социальные идеалы», выдвигаемые «критически мыслящими личностями» [1]. Эта традиция шла от революционного народничества XIX в., особенно от Лаврова и его «Исторических писем».

В XX в. представители неонароднических партий, «воскрешая», по Ленину, «обветшалые догмы» народничества, воскресили и теорию об исключительной роли интеллигенции, рассматривая ее (наряду с

[19] См.: *Конев В. А.* К вопросу о социальной природе интеллигенции.— В кн.: Из истории советской интеллигенции. Новосибирск, 1974, с. 6—11.

[20] *Красильников С. А., Соскин В. Л.* Октябрь и политические позиции сибирской интеллигенции: (К историографии проблемы), с. 28, 29, 30.

[21] *Пинегина А. Л.* Указ. соч., с. 12—13.

[22] Там же, с. 13.

[23] См.: Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы, 1970, № 8, вып. 2, с. 35; Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. Свердловск, 1974, с. 406.

[24] *Федюкин С. А.* Октябрьская революция и интеллигенция.— История СССР, 1977, № 5, с. 77.

[25] Там же.

[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 137.

[27] *Минц И. И.* Революция и интеллигенция.— Проблемы мира и социализма, 1981, № 2, с. 10.

[28] *Гербач В. В.* КПСС — организатор сотрудничества рабочего класса со старой технической интеллигенцией. М., 1980, с. 44.

[29] Там же, с. 45.

●

Л. В. ИВАНОВА

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ

В. И. Ленин высоко оценивал роль «интеллигентов-революционеров» в рядах социал-демократической рабочей партии. В работе «Что делать?» он отмечал, что при равных условиях в отношении партийной деятельности интеллигента-революционера и рабочего-революционера первого отличает более высокий уровень общего кругозора, профессиональной выучки, опыта агитационной и иной революционной работы [1]. При этом Владимир Ильич не ставил знака равенства между всеми интеллигентами-революционерами, наоборот, он подчеркивал неоднородность их среды: он видел в ней «передовиков», «середняков» и «массы» [2]. Именно той части интеллигентов-революционеров, которые являлись «передовиками», воплощали в себе типические черты профессиональных революционеров, принадлежала исключительная по своей важности роль в Великой Октябрьской социалистической революции.

Определение численности большевистской интеллигенции накануне и в ходе революции составляет трудную задачу из-за отсутствия соответствующей статистики. В материалах переписей и перерегистрации членов РКП(б) не было понятия и соответственно рубрики «интеллигенция» [3]. Интерполируя данные партийной перерегистрации 1920 г., С. А. Федюкин полагает, что к Октябрю 1917 г. в России было 30—35 тыс. интеллигентов-большевиков, т. е. 10% состава партии [4].

Нам эта цифра представляется завышенной. По данным перерегистрации 1920 г. в 38 губерниях представители интеллигентного труда составляли в партии 5%, при этом самый высокий процент интеллигентов — в Москве — не превышал 7% [5].

Косвенное подтверждение правильности таких данных дают материалы всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. Сведения о коммунистах-служащих Москвы, представляющих профессиональные группировки по основной профессии до 1917 г., дают возможность установить, что коммунисты-служащие составляли 6% [6]. Таким образом, численность интеллигентов в рядах партии на протяжении первых послереволюционных лет и к моменту Октября нам представляется в масштабах 5—6%, следовательно 10—15 тыс.

Численность же передовой партийной интеллигенции, понятно, была меньше. Напомним в этой связи сказанные в марте 1919 г. В. И. Лениным слова о том, «что интеллигентные, образованные, способные политические руководители в России были в небольшом количестве. Этот слой в России был тонок и за истекшую борьбу надорвался, переработался, сделал больше, чем мог» [7].

Лучшие представители партийной интеллигенции, как и подобало профессиональным революционерам, оказались на решающих участках в период подготовки и в ходе свершения социалистической революции. Покажем это на примере только первого месяца революции.

К 25 октября (7 ноября) [8] 1917 г. большевики-интеллигенты находились на самых боевых постах революции. В партийном центре ВРК — А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий, в составе ВРК в Петрограде — В. А. Антонов-Овсеенко, С. И. Гусев, Н. В. Крыленко, В. И. Невский и др., в Московском ВРК — М. Ф. Владимирский, П. К. Штернберг, И. А. Пятницкий, В. Н. Яковлева, Е. М. Ярославский. В числе первых комиссаров ВРК, получивших задание непосредственно от В. И. Ленина, были В. Р. Менжинский — 26 октября ему дано поручение заняться делами Министерства финансов, и комиссар Красного Села Д. З. Мануильский, 29 октября направленный для агитационной работы в революционные полки Гатчинского фронта. Комиссар московского ВРК А. Г. Шлихтер не позднее 10 ноября был вызван в Петроград письмом В. И. Ленина со словами: «Вы нужны в министры земледелия...». С членом ЦК РСДРП(б) комиссаром железных дорог А. С. Бубновым Ленин беседовал в середине ноября о взаимоотношениях Советской власти с Викжелем. 17 ноября он подписал удостоверение М. А. Савельеву о назначении комиссаром при Особом совещании по топливу; 19 ноября в ответ на просьбу президиума Моссовета подтвердить постановление о назначении губернским комиссаром П. К. Штернберга Ленин телеграфирует, что это постановление есть закон и не требует подтверждения [9].

Не будем повторять известных фактов о вхождении в состав Советского правительства плеяды блестяще образованных А. В. Луначарского, А. М. Коллонтай, В. И. Невского, П. И. Стучки, Г. В. Чичерина и др. Это признано и нашими друзьями, и врагами. Наличие таких партийных лидеров дало А. В. Луначарскому полное право заявить: «Социал-демократия не просто партия, а великое культурное движение. Даже величайшее из до сих пор бывших» [10].

В первые бурные дни революции, когда жизненная необходи-

мость диктовала укрепление то одного, то другого участка работы, коммунисты-интеллигенты оказывались всегда на наиболее важных и трудных местах. Обратимся к биохронике В. И. Ленина октября-ноября 1917 г. 27 октября он беседует с А. В. Луначарским о первоочередных задачах в области народного просвещения, а 16 ноября на заседании Совнаркома вносит предложение поручить Луначарскому к утру следующего дня написать проект статьи-декларации с обоснованием необходимости декрета о революционных судах и ликвидации всех старых судебных учреждений. 27 октября Ленин беседует с другим старым большевиком — П. И. Лебедевым-Полянским о продовольственном положении Петрограда; спустя две недели, в середине ноября, ему будут доверены подготовка декрета о монополизации всех изданий сочинений классиков русской литературы и организации Государственного издательства; характерна и такая деталь — именно с П. И. Лебедевым-Полянским и В. Д. Бонч-Бруевичем В. И. Ленин обсуждал состояние охраны правительственных помещений в Смольном [11].

И. С. Вегер, народоволец 1880-х годов, большевик с 1904 г., врач по образованию, 30 октября 1917 г. в качестве представителя московской партийной организации беседует с В. И. Лениным о помощи революционной Москве; 2 ноября он вновь на приеме у Владимира Ильича уже в качестве комиссара сводного отряда, сформированного в помощь москвичам. Но в том же ноябре он вместе с М. И. Барсуковым и А. Н. Винокуровым докладывал Ленину о проекте организации Комитета по охране народного здоровья — это рождался Наркомздрав [12]. Заметим, что в это же время защищал революцию сын И. С. Вегера — В. И. Вегер, тоже большевик с 1904 г., юрист и экономист по образованию, первый управляющий делами Советского правительства Татарии, а позднее — организатор «Свердловки» и профессор МГУ, МВТУ и Тимирязевской академии.

Множество подобных фактов только на протяжении первого месяца революции убедительно свидетельствуют о том, что знания и опыт, а главное, революционный долг партийной интеллигенции играли огромную роль в дни Октября. Все они были непосредственными участниками революции и борцами за Советскую власть в центре и на местах. Известна роль, например, В. Г. Кнорина в революционных событиях в Белоруссии, В. П. Затонского — на Украине, М. П. Жакова — в Казани, В. П. Антонова-Саратовского — в Саратове, А. К. Воронского — в Одессе и т. д.

Не менее героическая страница в жизни и деятельности большевистской партийной интеллигенции связана с ее активным участием в строительстве основ Советского государства. Именно здесь особенно необходимы были их профессиональные знания, тем более что пролетариат в тот период не имел и не мог иметь запаса опыта, знаний, технической культуры, который был у буржуазной интеллигенции [13]. На первых порах огромный объем созидательной деятельности во всех областях функционирования молодого государства лег почти исключительно на плечи большевистской партийной интеллигенции, которая имела для этого, во-первых, реальные основания,

обладая знаниями, опытом и культурой, а, во-вторых, моральное право, так как она выражала интересы пролетариата.

Изучение деятельности партийной интеллигенции на фронте советской науки показывает, что все важнейшие звенья руководства — советско-партийные органы, научные центры, высшая школа, издательские органы, органы руководства зарубежными научными связями, общественные организации — возглавлялись коммунистами. Это было результатом реализации плодотворной идеи В. И. Ленина о сосредоточении лучших теоретических и организаторских кадров партии на главных направлениях социалистического строительства [14].

Интересные сведения дают опубликованные материалы учета ответственных работников, проводившегося Орграспредом ЦК РКП(б).

По данным на апрель 1924 г., ведущее место среди ответственных работников почти во всех областях государственного строительства занимала партийная интеллигенция. Заметим при этом, что доля партийной интеллигенции в более близкие к Октябрьской революции годы, конечно, была значительно больше, так как процесс выдвижения рабочих кадров на ответственную работу набирал силу уже после установления Советской власти.

Из восьми групп учреждений, по которым отмечена доля либо «представителей интеллигентного труда», либо «служащих и интеллигенции», коммунисты-интеллигенты среди ответственных работников центрального аппарата Наркомпроса составляли 93,3%; аппарата ВЦИК, Совнаркома и их комиссий — 76,6%; финансовых органов Наркомфина — 69,7%; советско-административных органов (по линии ВЦИК, СНК, НКВД и НКЮ) — 64,1%; среди председателей губисполкомов — 63,2%; в составе ЦИК СССР второго созыва — 43,7%; среди работников ВСНХ СССР и РСФСР — 14,6% [15]. Таким образом, за исключением ВСНХ, во всех группах ответственных работников государственного аппарата партийная интеллигенция составляла половину или подавляющее большинство. Еще более впечатляющие сведения дает область идеологической работы. По социальному происхождению ответственные работники этой области преимущественно интеллигенты и служащие. Так, из состоявших на учете в ЦК РКП(б) партработников органов Наркомпроса и печати 93% были интеллигенты. Показателен состав работников по партийному стажу и образованию. 20,3% имели подпольный партстаж, 11,7% — от февраля до октября 1917 г., 43,5% вступили в партию в 1918—1919 гг., 32% — в 1920 г. и позже. Высшее образование имели 36,3%, среднее — 48,5% [16]. Следовательно, на идеологической рате были сконцентрированы наиболее опытные партийные кадры, профессиональные революционеры.

Вывод о том, что партийная интеллигенция играла решающую роль в становлении как аппарата государственной власти, так и самих принципов советской государственности, во всяком случае на этапе 1917—1925 гг., не противоречит соответствующей статистике, которая дает сведения совокупно по интеллигенции и служащим. Для тех лет, о которых идет речь, эти понятия во многом совпадали,

хотя и разнились количественно. Авторитетное подтверждение мы находим в теоретическом обосновании, открывающем периодическое издание Статистического отдела ЦК РКП(б) «Партия в цифровом освещении». В нем говорится, что с начала Октябрьской революции партия вложила в сложное понятие «социальное положение» «своеобразное содержание, не вяжущееся полностью ни с традиционным понятием „сословия", ни с понятием „ социальное происхождение", наконец, не всегда совпадающее с фактическим занятием трудящегося. Исходя из того, что основная профессия (или основное занятие) в наибольшей мере определяет принадлежность человека к той или иной социальной группе (классу), в основу определения социального положения коммуниста, как правило, кладется его основная профессия» [17].

Далее дается (единственный случай такого рода, обнаруженный нами в партийной статистике первых лет) таблица сравнительного состава служащих по социальному положению и по основному занятию.

Таблица

Состав служащих в партии (в % к составу РКП (б) на 1.I. 1925 г.[18])

	Служащие по соц. положению	Служащие по основной занимаемой работе		
		Ответственные	Рядовые	Всего
Члены	19,3	28,2	19,7	47,9
Кандидаты	9,7	5,6	16,1	21,7
Коммунисты (всего)	14,9	17,8	18,0	35,8

Нельзя не заметить, что число коммунистов-служащих по социальному положению и коммунистов-служащих ответственных работников почти совпадает (14,9 и 17,8%), в то время как количество рядовых по занимаемой работе служащих составляет наряду с ними почти такое же число (18%). Повторяя не раз, что партийная статистика не располагает точными данными о социальном составе группы коммунистов-служащих, работники Статотдела ЦК РКП(б) тем не менее утверждали (и приведенная выше таблица это подтверждает), что в общей массе коммунистов-служащих должно быть около 50% крестьян и рабочих [19].

Итак, для первых послереволюционных лет, когда партия располагала ценными кадрами профессиональных революционеров (их средний возраст составлял 40—50 лет), определяющая роль партийной интеллигенции была закономерной. Это была опытная, профессионально наиболее хорошо подготовленная часть партийных кадров, прекрасно зарекомендовавшая себя и в дальнейшем, по мере расширения и усложнения задач социалистического строительства. Приведем только один пример. Когда в октябре 1923 г. ЦК РКП(б) признал выдвижение на ответственную работу одной из основных задач

учетно-распределительной работы партии и провел организованно это выдвижение, среди выдвинутых работников 50,8% составили интеллигенты-коммунисты, притом более половины из них имели дореволюционный стаж или вступили в партию в 1917 г.[20] Таким образом, партия еще и еще раз черпала силы из рядов партийной интеллигенции для руководства социалистическим строительством.

Наконец, необходимо отметить еще одну важную сторону партийной интеллигенции в социалистической революции — роль носительницы типических черт новой, социалистической интеллигенции. Формирование при социализме каждой социальной группы подразумевает как действие ряда объективных социальных факторов, так и руководство со стороны партии, вооруженной знаниями законов общественного развития. Если говорить о субъективной роли партийной интеллигенции, то надо сказать, что она, выполняя волю партии и выступая в роли борца за привлечение старой интеллигенции, воспитателя молодежи, пропагандиста марксистско-ленинской теории, организатора многих органов, учреждений и институтов, с помощью которых воспитывались и перевоспитывались кадры, помогала процессу формирования новой интеллигенции. Однако не менее важной была объективная роль партийной интеллигенции как носительницы определенных идейно-политических и морально-нравственных черт и признаков.

Поскольку это были коммунисты, постольку в них вера в идеалы социализма и коммунизма была главной, определяющей их мораль, убеждения, мировоззрение, жизненную позицию и линию поведения. Убежденность в правоте своих идей они черпали в знании научного коммунизма, революционной практике борьбы, тесной связи с массами, пролетариатом, выразителями интересов которого они себя по праву считали.

Поскольку большая часть партийной интеллигенции до Октября являлась профессиональными революционерами, подпольщиками, постольку сама нелегальная работа в жесточайших условиях царизма воспитала в них черты организованности и внутренней дисциплины, огромную энергию и твердую волю, давала моральную закалку, рождала подлинную самоотверженность.

Поскольку, далее, это были интеллигенты по происхождению, образованию и характеру деятельности, постольку их отличали высокий профессионализм, широта интересов, внутренняя культура и, не боюсь преувеличений, энциклопедичность знаний. Свойственные лучшим представителям дореволюционной интеллигенции России демократизм, преданность своему делу, стремление принести пользу народу, поиски, порой мучительные, истины и справедливости также были достоянием партийной интеллигенции.

Именно то обстоятельство, что в лучших представителях большевистской партийной интеллигенции соединялись черты и свойства коммуниста, профессионального революционера и передового русского интеллигента, которые, в свою очередь, питались передовыми традициями русского и мирового революционно-освободительного движения, определило, на наш взгляд, неповторимый сплав челове-

ческого характера, свойственного для личности революционной социалистической эпохи.

Это были *новые* люди, *новая* интеллигенция — «интеллигенция первой социалистической эпохи», по определению А. В. Луначарского. Не повторяя и не перечисляя вновь тех черт, которые принесла с собой эта интеллигенция в новую, советскую эпоху, добавим только три соображения по этому поводу.

Все качества, отличавшие большевистскую партийную интеллигенцию, явились жизненно необходимыми в трудные годы борьбы за упрочение и сохранение завоеваний Октября. Не будь мужества и самоотверженности, идейной убежденности и энергии, революционного оптимизма и дисциплинированности ленинской гвардии, труднее была бы победа Коммунистической партии в борьбе за народные массы.

Далее, необходимо помнить, что сама партийная интеллигенция и ее духовный облик не оставались неизменными, статичными в ходе революции и после ее победы. Глубже овладевая марксизмом-ленинизмом, преодолевая известные теоретические ошибки, активно включаясь в профессиональную деятельность по своей специальности и по ряду новых специальностей, непосредственно общаясь с массами трудящихся, выполняя долг руководителей на многих участках социалистического строительства, коммунисты-интеллигенты росли и сами, все более отчетливо формируясь как авангард советской интеллигенции.

По мере того, как с деятельностью партийцев-коммунистов знакомились на практике представители различных кругов старой, буржуазной интеллигенции, а также рабочих и крестьян, молодежи, рождались и крепли чувства симпатии к этим поистине одержимым в труде людям, воодушевляемым коммунистическими идеалами, уважение к их знаниям и организаторским способностям, взаимопонимание в вопросах демократизации национальной культуры, подъема народного просвещения и благосостояния. На их примере многие учились принципиальности, единству слова и дела, умению связывать свой профессиональный труд с задачами строительства социализма. Постижение коммунистической морали и этики часто также приходило к старой интеллигенции в результате общения с коммунистами. Примером своей личной деятельности партийная интеллигенция пролагала пути новым качествам в среду формирующейся советской интеллигенции.

Неся в себе огромный жизненный заряд, включавший идейность, коллективизм, пролетарский интернационализм, советский патриотизм, высокий профессионализм, большевистская партийная интеллигенция должна была стать и стала ядром социалистической интеллигенции. Проявив чудеса самоотверженности, ответственности и дальновидности, коммунисты-интеллигенты помогли победе Великого Октября, заложили основы советской государственности и культуры, стали пионерами социалистической интеллигенции.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 131, 133.
[2] См.: Там же, с. 131.

[3] Личный состав РКП в 1920 г. М., 1921; Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М., 1922—1924. Вып. 1—5; Всесоюзная партийная перепись 1927 года. М., 1927. Вып. 1—8.
[4] *Федюкин С. А.* Октябрьская революция и интеллигенция.— История СССР, 1977, № 5, с. 72.
[5] Личный состав РКП в 1920 г., с. 22—23.
[6] Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, с. 19.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 145.
[8] Далее датировка дана по ст. ст.
[9] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974, т. 5, с. 4, 16, 40, 64, 67, 71.
[10] *Луначарский А. В.* Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1967, т. 7, с. 154.
[11] Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника, т. 5, с. 7, 8, 48, 63—64, 65.
[12] Там же, с. 18, 27, 62.
[13] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 133.
[14] Там же, т. 36, с. 372.
[15] Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. М., 1924, с. 71, 97, 113, 115, 116, 118, 119, 123.
[16] Там же, с. 128—129.
[17] Партия в цифровом освещении: Материалы по статистике личного состава партии. М.; Л., 1925, с. 36.
[18] Там же, с. 48.
[19] Партия в цифровом освещении. М.; Л., 1926, вып. 2, с. 30.
[20] Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение, с. 150.

А. А. БУРАВЧЕНКОВ

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция подтвердила вывод В. И. Ленина о том, что нельзя свергнуть господство эксплуататоров и установить диктатуру пролетариата без привлечения демократических слоев армии на сторону восставшего народа. Работа большевистской партии среди офицерского состава армии была огромна. В основе их деятельности лежали тщательный анализ специфики положения офицерства в условиях капитализма, изучение закономерностей происходивших в этой среде сдвигов, анализ накопленного опыта и разработка основных направлений, форм и методов работы в различные периоды подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

К этому времени офицерство теряет прежний, преимущественно элитарный характер и пополняется главным образом за счет выходцев из средних слоев. Соответственно позиции, характерные для этих слоев, накладывали отпечаток на взгляды и поведение офицеров. Все это создавало определенные возможности для революционизирования определенной части командного состава, а в последующем сыграло немалую роль в деле строительства вооруженных сил революции.

Для армий капиталистических стран характерным является дальнейшее увеличение демократических элементов в офицерской сре-

де, что создает основу для проникновения в нее прогрессивных идей. На важность использования этого обстоятельства революционными партиями указывали участники международной исследовательской группы в журнале «Проблемы мира и социализма»: «Победа революции, как правило, невозможна перед лицом противостоящих ей монолитных вооруженных сил. Для ее успеха важно привлечь на сторону прогрессивных кругов солдат и офицеров, стоящих на патриотических позициях» [1]. События последних лет подтверждают правильность данного вывода.

Советская историография достигла значительных успехов в изучении опыта работы большевистской партии в армии. Только за последние годы появилось значительное количество исследований, посвященных революционному движению солдатских масс [2]. Это позволяет ныне уделить внимание и изучению командных кадров русской армии, в особенности участию демократической, лучшей части офицерства в революции на стороне рабочих и крестьян.

В данной статье, не претендующей на всесторонний анализ форм и методов работы большевиков среди командного состава армии, предпринимается попытка уточнить численность офицерства русской армии в 1917 г. и дать общую характеристику качественных сдвигов в его среде.

Прежде всего последние исследования советских историков показывают, что принятая ранее схема, согласно которой в процессе классового расслоения и политического самоопределения личного состава армии выделялись три основные части: 1) революционная, находившаяся под влиянием большевиков; 2) колебавшаяся — политически незрелые слои солдат и матросов, остававшиеся еще в плену «революционного оборончества» и 3) контрреволюционные силы (офицерский состав, казачьи и кавалерийские дивизии, формировавшиеся в основном из зажиточных слоев казачества и крестьянства, а также созданные командованием так называемые «ударные» и «штурмовые» батальоны, «батальоны смерти» и т. д. [3]), не отличается точностью. В подобных случаях авторы оценивают офицерство как силу в целом контрреволюционную и не учитывают при этом ее политической дифференциации. Офицерский же состав был неоднородным. Поэтому вряд ли правильно относить все офицерство к лагерю контрреволюции. В отношении к большевистской партии и ее идеям среди военной интеллигенции разделительная линия проходила как между отдельными ее группами (верхушка — генералитет, средняя — штаб-офицеры, низшая — обер-офицеры), так и внутри этих групп. Поэтому вполне правомерным является появление в работах последнего времени терминов «демократическая часть офицерства» и «контрреволюционная часть офицерства».

Важное значение для общей характеристики офицерства и происходивших в его среде сдвигов в 1917 г. имеет определение его численности. По данным Л. Спирина, общая численность офицеров русской армии к осени 1917 г. составляла около 240 тыс. человек [4]. Методика его подсчета такова. В связи с началом мировой войны численность командного состава армии была доведена в 1914 г. до

80 тыс. человек. Военные учебные заведения в 1915—1917 гг. подготовили 220 тыс. офицеров (школы прапорщиков — 130 тыс. и военные училища — 90 тыс.). Потери русской армии составили несколько более 60 тыс. офицеров. Сопоставление этих данных и дает число 240 тыс. Однако его нельзя считать окончательным. За эти годы чин прапорщика (первый офицерский чин) получили за боевые отличия 11 494 человека. Кроме того, по представлению строевого начальства для пополнения некомплекта офицерский чин получили 8128 человек [5]. Этот способ пополнения командных кадров (в общей сложности 19 622 человека) Л. Спирин не учитывает. По подсчетам Л. Протасова, из солдат в прапорщики до мая 1917 г. было произведено 22 084 человека [6]. К тому же после излечения к 1 января 1917 г. вернулось в строй 16 126 офицеров. Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что численность офицерского состава русской армии к осени 1917 г. составляла 275—280 тыс. человек.

Подобное уточнение будет соответствовать также более реальной оценке удельного веса бывших офицеров в Красной Армии в годы гражданской войны. В отдельных исследованиях искусственно завышается процент военных специалистов, служивших в Красной Армии. Так, С. А. Федюкин в работе «Великий Октябрь и интеллигенция», исходя из материалов однодневной переписи в армии 25 октября 1917 г. (по ней численность офицерского корпуса определяется в 157 884 человека), приходит к выводу, что «около половины офицерского состава старой армии служило в Красной Армии» [7]. Это заключение не совсем точно отражает сложившееся положение. При определении действительной доли бывших офицеров среди командного состава Красной Армии к концу гражданской войны следует, по нашему мнению, исходить не только из уточненной численности офицерского корпуса русской армии, но и из того, что к началу 1918 г. еще около 30 тыс. офицеров находились на излечении, в плену или числились без вести пропавшими и некоторая часть из них также принимала участие в классовой борьбе по ту или иную сторону баррикад.

Количественные изменения неизбежно приводили к качественным сдвигам в офицерской среде. И на все усиливавшееся проникновение в офицерскую среду разночинных и мелкобуржуазных элементов, на ее определенную демократизацию вынуждено было обратить внимание еще царское правительство. Так, в декабре 1916 г. в докладе царю об итогах смотра войск Московского военного округа генерал Адлерберг отмечал: «Большинство прапорщиков состоит из крайне нежелательных для офицерской среды элементов. Между ними были из чернорабочих, слесарей, каменщиков, полотеров и буфетчиков» [8]. Против этих строк Николай II сделал пометку: «На это надо обратить серьезное внимание». Однако царское правительство было уже не в состоянии сдержать процесс расслоения офицерского корпуса.

Изменения в социальном составе офицерства в 1914—1917 гг. нуждаются в тщательном изучении. Определенное представление о них дает анализ путей пополнения офицерского корпуса. Обращает

на себя внимание значительное снижение в пополнении удельного веса выпускников военных училищ: до войны их воспитанники давали $^3/_4$ пополнения офицерского корпуса, в годы войны более половины офицеров выпускали школы прапорщиков, которые комплектовались преимущественно солдатами из пехотных запасных полков, прошедшими учебную команду. При этом образование не играло существенной роли при зачислении в школу. Значительную долю составляли также лица, получившие офицерское звание помимо училищ. Если в 1913 г. дворяне составляли среди генералов 89,26%, среди штаб-офицеров — 72,6% и среди обер-офицеров — 35—50% [9], то, по подсчетам А. Иовлева, большинство офицеров военного времени (около 80%) по своему социальному происхождению принадлежало к средней и мелкой буржуазии, интеллигенции, было немало среди них и выходцев из рабочих и крестьян [10].

Количественные и качественные изменения в офицерском корпусе русской армии за годы войны привели к тому, что он утратил свою вековую кастовость, сплоченность и превратился в конгломерат из представителей всех классов и слоев общества, которые очень отличались своими политическими взглядами. Меткую характеристику офицерам 121-й дивизии, которую можно отнести к офицерскому корпусу вообще, дал командир 37-го армейского корпуса генерал Сулькевич в рапорте командующему V армией Северного фронта генералу Данилову, когда писал, что «состав офицеров далеко не обладает сплоченностью — это механическая смесь лиц, одетых в офицерскую форму, лиц разного образования, происхождения, без взаимной связи, для которых полк — „постоялый двор"» [11]. Однако особое беспокойство у реакционной командной верхушки вызывало преобладающее влияние разночинских элементов в среде офицеров военного времени. «Кадровых офицеров в частях сохранилось весьма небольшое количество,— констатировал командир 1-го армейского корпуса генерал-лейтенант Лукомский (I армия, Северный фронт),— а прапорщики и вообще молодые офицеры, в большинстве случаев, не являются по своему воспитанию и образованию таким элементом, который может быть авторитетом для солдат и, к сожалению, многие из них из малодушия и личных выгод заигрывают с солдатами, оказывая этим на последних лишь вредное влияние» [12]. Близким к этому было мнение командира 11-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Гильчевского (VIII армия, Юго-Западный фронт): «Многие офицеры не на высоте своего положения и по внедрению дисциплины являются плохими помощниками командиров рот и батальонов» [13]. Эти обстоятельства в значительной степени облегчали переход известной части офицеров на сторону революции.

Тот факт, что значительная часть офицеров по своему происхождению, условиям жизни находилась значительно ближе к солдатам, чем к представителям дворянско-офицерской верхушки и генералитета, облегчал ведение среди офицерства революционной пропаганды. Выступая в мае 1917 г. на съезде солдат и офицеров Гренадерского корпуса (II армия, Западный фронт), большевик Чучаев обратился к офицерам со следующими словами: «Вам, офицерам из

разночинной интеллигенции, должен сказать, что эти дворяне... вроде Довгирда, Пуришкевича и им подобных, терпят вас, поскольку вы им нужны для их политики, при встречах они делают вынужденные улыбки, но вас считают плебеями, детьми кухарок, прачек и здороваясь с вами, подают вам один палец, брезгуя вашей плебейской рукой» [14].

Социальная неоднородность офицерского корпуса, моральное давление со стороны солдатских масс, действенность агитационно-пропагандистской работы большевистской партии и ряд других факторов приводили к его все большему политическому расслоению. Как отмечалось, даже в документах контрреволюционного Главного комитета «Союза офицеров армии и флота» политика «разбила корпус офицеров на группы, часто враждебно относящиеся друг к другу» [15].

В результате мобилизации к началу 1917 г. в армии насчитывалось уже значительное число офицеров с дореволюционным партийным стажем. Революционную работу в войсках проводили штабс-капитан Я. Д. Фабрициус, поручик Ж. Ф. Зонберг, подпоручик П. В. Дашкевич, прапорщики И. П. Павлуновский, Д. И. Курский, А. А. Жданов, А. Я. Аросев, Ф. О. Крюков, Р. И. Берзин, Я. И. Алкснис, А. С. Круссер, В. Н. Васильевский, Н. В. Крыленко, Д. А. Шмидт, Ю. М. Коцюбинский, Б. М. Занько, А. Ф. Мясников и другие офицеры-большевики. И хотя в командном составе армии они составляли еще незначительную прослойку, своим примером самоотверженного служения делу народа офицеры-большевики оказывали сильное влияние на демократические круги офицерства.

В многочисленных документах Ставки и командования все чаще появляются материалы об участии офицеров в революционном и антивоенном движении, о поддержке ими оппозиционных настроений у солдат относительно Временного правительства и его политики, о публичной критике офицерами приказов старших начальников и отказе исполнять их. И если для некоторых это было лишь случайным эпизодом в жизни, то для других оно становилось школой политического возмущения, началом пути в революцию.

Среди тех, кто под влиянием большевиков связал свою судьбу с революцией, были полковник М. С. Свечников, подполковники В. В. Каменщиков, Н. Г. Крапивянский, Г. Д. Базилевич, капитан Е. Бабин, штабс-капитан А. И. Седякин, штаб-ротмистр А. И. Геккер, поручики И. Л. Дзевялтовский и М. С. Филипповский, подпоручики И. П. Уборевич и К. А. Авксентьевский, прапорщики И. Ф. Федько, Н. А. Руднев, Р. Ф. Сиверс, И. Н. Дубовой, М. В. Пригоровский, Н. П. Вишневецкий, Г. И. Благонравов, М. К. Тер-Арутюнянц, В. К. Путна, П. Е. Княгницкий и много других представителей офицерского корпуса русской армии.

Значительная часть офицеров стояла на позициях политического нейтрализма. Не одобряя антинародной политики Временного правительства, они не решались в то же время стать на путь борьбы с ним. Для этой части офицерства характерно было использование пассивных форм протеста против действий правительства. У многих из них наблюдалось, по определению командования, «понижение работо-

способности» в выполнении своих прямых обязанностей. И хотя большинство офицеров, особенно кадровых, являлось основной ударной силой контрреволюции в борьбе с революционными массами, деформация офицерского корпуса ослабляла позиции реакции в армии.

Великий Октябрь в полной мере подтвердил правильность политики большевистской партии по отношению к командному составу армии, в основе которой лежал дифференцированный подход к его различным составным частям. Наличие в тыловых гарнизонах и на фронте наряду с офицерами, участвовавшими в революции, значительной группы лиц командного состава, занявшей позиции политического нейтралитета, во многих случаях предопределило практически бескровный характер установления власти Советов. В результате работы среди командного состава армии к моменту восстания партия смогла создать оперативное военное руководство вооруженными силами восставших, а в последующем развернуть в широких масштабах работу по привлечению военных специалистов на сторону победившего народа. Тысячи офицеров через мучительные колебания, сомнения и раздумья пришли к признанию новой власти. Этот переход можно считать логическим завершением деятельности большевистской партии среди командного состава армии в период подготовки и проведения социалистической революции.

---

[1] Проблемы мира и социализма, 1974, № 4, с. 30.

[2] *Андреев А. М.* Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975; *Якупов Н. М.* Борьба за армию в 1917 году: (Деятельность большевиков в прифронтовых округах). М., 1975; *Он же.* Революция и мир: (Солдатские массы против империалистической войны, 1917 — март 1918 гг.). М., 1980; *Ионенко И. М.* Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть Советов: (По материалам Поволжья и Урала). Казань, 1976; *Голуб П. А.* Большевики и армия в трех революциях. М., 1977; *Протасов Л. Г.* Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978; *Кузьмина Т. Ф.* Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября: (По материалам Московского военного округа). М., 1978; Революционное движение в русской армии в 1917: Сб. статей. М., 1981; и др.

[3] Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969, с. 166.

[4] Воен.-ист. журнал, 1965, № 4, с. 11.

[5] ЦГВИА СССР. ф. 2015, оп. 1, д. 4, л. 5 об., 6.

[6] *Протасов Л. Г.* Указ. соч., с. 28.

[7] *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция: Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972, с. 124.

[8] ЦГВИА СССР, ф. 7690, оп. 2, л. 35, ч. I, л. 5.

[9] *Гринишин Д.* Военная деятельность В. И. Ленина. М., 1957, с. 122.

[10] Вопр. истории КПСС, 1968, № 4, с. 31.

[11] Революционное движение в русской армии (27 февраля — 24 октября 1917 года): Сб. док. М., 1968, с. 169.

[12] ЦГВИА СССР, ф. 2031, оп. 1, д. 1611, л. 6.

[13] ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 1, д. 3805, л. 91.

[14] Архив Института истории партии при ЦК КП Украины.— Коллекция воспоминаний о революционном движении, Октябрьской революции, гражданской войне и социалистическом строительстве на Украине. Воспоминания Я. Н. Андрюхина, л. 47.

[15] ЦГВИА СССР, ф. 2015, оп. 1, д. 3, л. 6.

●

А. Г. КАВТАРАДЗЕ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ «ОКТЯБРЬ И ВОЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

Использование знаний и опыта бывших генералов и офицеров в советском военном строительстве в условиях острого недостатка военных кадров представляет собой важнейшую часть общей проблемы использования буржуазной интеллигенции в различных областях хозяйства и управления. В годы гражданской войны партия, В. И. Ленин придавали особое значение переходу на сторону Советской власти бывших генералов и офицеров, так как быть или не быть диктатуре пролетариата решала война (гражданская)... решал военный исход [1].

Заслуга теоретической разработки этой проблемы принадлежит В. И. Ленину, который еще в дооктябрьской работе «Удержат ли большевики государственную власть?» обосновал необходимость использования культурного наследия капитализма в интересах социалистического строительства. «Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. Нам надо *заставить работать* в новых организационно-государственных рамках» [2]. Что же касается военного аспекта этой проблемы, то В. И. Ленин, поставив впервые вопрос об использовании знаний и опыта бывших генералов и офицеров для строительства армии нового типа, считал необходимым «набирать командный состав из бывших офицеров, чтобы рабочие и крестьяне могли у них учиться»... [3]. В. И. Ленин вскрыл объективную несостоятельность и вредность утверждений тех, кто с платформы «левого коммунизма» и «военной оппозиции» выступал против службы в Красной Армии бывших генералов и офицеров царской армии, особенно на высших командных должностях, а также подверг критике позицию Л. Д. Троцкого, который излишне им доверял и нередко освобождал «от уже сложившихся форм контроля» за их деятельностью [4]. Наконец, в трудах В. И. Ленина дана высокая оценка деятельности бывших генералов и офицеров в успехе организации Красной Армии, которую без них «мы не могли бы создать», и в достижении тех побед, «которые она одержала» [5] в гражданской войне.

Особо следует подчеркнуть, что вся деятельность партии по использованию бывших генералов и офицеров на службе Республике Советов проходила под непосредственным руководством В. И. Ленина. Об этом свидетельствуют, в частности, его военная переписка, декреты и постановления ВЦИК, Совнаркома, Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, в разработке которых В. И. Ленин принимал самое активное участие, а также воспоминания его соратников и представителей военной интеллигенции. Именно В. И. Ленину, писал М. Д. Бонч-Бруевич, служившие в Красной Армии бывшие генералы и офицеры были обязаны тем, что с первых дней революции разделили «с народом его трудный и тернистый путь» [6].

Широкое привлечение генералов и офицеров старой русской ар-

мии на службу Советской власти позволило ей накопить богатый опыт в использовании буржуазной интеллигенции в хозяйственном и культурном строительстве. В. И. Ленин неоднократно приводил в пример советским и хозяйственным органам постановку этого дела в военном ведомстве [7].

В советской историографии за шестьдесят с лишним лет сделаны значительные успехи в научной разработке вопросов, касающихся различных категорий российской буржуазно-дворянской интеллигенции — научно-технической и профессорско-преподавательской, партийной, художественной и т. д. Что же касается военной интеллигенции, то в советской исторической литературе не только отсутствует более или менее четкое определение содержания этого понятия, но и существует тенденция к отождествлению двух понятий — «военная интеллигенция» и «военные специалисты», что, на наш взгляд, не совсем правильно. Так, например, во введении к книге известного советского историка С. А. Федюкина «Советская власть и буржуазные специалисты» сказано, что «в настоящей работе делается попытка проследить путь, который прошла старая научно-техническая и *военная* (курсив мой.— *А. К.*) интеллигенция...»; раздел же второй книги озаглавлен: «*военные специалисты* (курсив мой.— *А. К.*) в Красной Армии» [8].

По переписи 1897 г. интеллигенция в России насчитывала 870 тыс. человек [9], среди которых самой многочисленной была интеллигенция, служившая в государственном аппарате (421 тыс. человек, в том числе 151 тыс. служащих, 43,7 тыс. *генералов* и *офицеров* [10]).

Из результатов указанной переписи видно, что генералы и офицеры старой армии были отнесены к российской буржуазно-дворянской интеллигенции. Учитывая особенности воспитания, образования и прохождения службы кадровым офицерством русской армии, правомерно, на наш взгляд, назвать эту категорию интеллигенции *военной интеллигенцией*. Несмотря на то что военная интеллигенция составляла немногим более 10% от общей численности российской буржуазно-дворянской интеллигенции, она имела в государстве «большой удельный вес» [11].

В эпоху империализма общая численность интеллигенции в России удвоилась и превысила 1,5 млн. человек [12]. Однако численность офицерского корпуса (военная интеллигенция) за это время увеличилась незначительно: на 1 января 1914 г. корпус насчитывал 43 371 человека, из них 1290 генералов, 7506 штаб-офицеров (полковников и подполковников) и 38 575 обер-офицеров (от подпоручика до капитана включительно) [13].

С ростом численности интеллигенции в России в период империализма «возросла тенденция в сторону увеличения в составе интеллигенции выходцев из зажиточных слоев городской и сельской *мелкой* (курсив мой.— *А. К.*) буржуазии» [14]. Это было характерно и для изменения социального состава военной интеллигенции. Так, можно выделить несколько ее слоев: верхи офицерского корпуса, гвардия (особенно гвардейская кавалерия), армейская кавалерия (в том числе казачество), наконец, армейская пехота. При этом следует

подчеркнуть, что привилегированная часть русского офицерства составляла ничтожный процент по отношению к общей численности офицерского корпуса. Например, накануне первой мировой войны численность офицеров гвардейских пехотных и стрелковых полков (всего 16 полков) составляла менее 5% от общей численности офицеров негвардейских (гренадерских, пехотных и стрелковых) полков русской армии (всего 334 полка) [15].

С объявлением мобилизации в июле 1914 г. в армию были призваны офицеры из отставки и запаса. Кроме того, в период с июля по 1 декабря 1914 г. в офицеры с чином «подпоручик» (т. е. с правами кадровых офицеров) были произведены 6235 человек, в результате чего численность офицерского корпуса возросла до 80 тыс. человек [16]. Если мы из этого числа исключим всех прапорщиков запаса и оставим только кадровых офицеров (как служивших накануне войны в армии, так и призванных из отставки и запаса), то они и могут быть отнесены, на наш взгляд, к военной интеллигенции. Кроме того, к этой категории следует отнести бывших кадровых офицеров, не призванных в армию по возрасту и состоянию здоровья. Что же касается офицеров военного времени (призванных по мобилизации прапорщиков запаса, имевших высшее и среднее общее или специальное образование, а также призванных в армию в 1916 г. студентов четвертых курсов, которые после окончания ускоренного курса военного училища или школы подготовки прапорщиков получили чин прапорщика), то их к военной интеллигенции, на наш взгляд, относить неправомерно: в своем подавляющем большинстве они являлись представителями других групп интеллигенции — научно-технической, научно-педагогической и т. д.

Таким образом, к военной интеллигенции правомерно отнести кадровых офицеров русской армии (в том числе находившихся в отставке и запасе), получивших общее среднее или высшее (в кадетском корпусе, гражданском учебном заведении) и среднее или высшее военное (в училище, академии) образование и соответствующее воспитание.

Следует особенно подчеркнуть, что военная интеллигенция по характеру своей деятельности, родственным отношениям и т. д. была тесно связана с другими категориями российской буржуазно-дворянской интеллигенции. В подтверждение этому можно было бы привести множество примеров, но ограничимся лишь некоторыми.

Профессорско-преподавательский состав военных академий (Генерального штаба, Артиллерийской, Инженерной, Военно-юридической и Интендантской), офицерских школ (стрелковой, артиллерийской, кавалерийской, электротехнической, железнодорожной, авиационных и т. д.), военных училищ и кадетских корпусов представлял собой не только военную, но и научно-техническую, научно-педагогическую интеллигенцию.

Из среды военной интеллигенции вышли крупные партийные и государственные деятели — В. А. Антонов-Овсеенко, бывший кадровый офицер В. В. Куйбышев, сын офицера, В. Д. Вотинцев, сын атамана Семиреченского казачьего войска, погибший в числе 14 турке-

станских комиссаров в 1919 г., А. М. Коллонтай, дочь генерала М. А. Домонтовича и жена до 1916 г. военного инженера генерала В. Л. Коллонтай и др.; крупные советские ученые — академики П. Л. Капица, Б. Б. Пиотровский, А. Е. Ферсман; академик АН УССР О. С. Вялов, члены-корреспонденты — М. В. Муратов, Д. А. Ольдерогге, В. С. Пугачев, С. П. Толстов и др.; историки — К. В. Базилевич, П. А. Зайончковский, А. А. Зимин и др.; советские военачальники — А. И. Антонов, И. И. Гусаковский, М. М. Попов и др.; один из основателей Художественного театра, В. И. Немирович-Данченко; родоначальники династии цирковых артистов и клоунов-дрессировщиков — А. Л. и В. Л. Дуровы. Кадровыми офицерами русской армии были писатель А. И. Куприн, исследователь Дальнего Востока этнограф и писатель В. К. Арсеньев, исследователь Центральной Азии академик АН УССР П. К. Козлов и т. д.

Приведенные примеры (их можно было бы и продолжить) служат убедительным подтверждением того, что военная интеллигенция была тесно связана с другими категориями российской интеллигенции.

Советская историография не располагает обобщающими трудами о военной интеллигенции России за этот период. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что для нашей исторической науки представляет особый интерес не та бóльшая часть военной интеллигенции, которая, не приняв Октябрьской революции, оказалась в стане ее врагов, эмигрировала и т. д., а та часть военной интеллигенции, которая добровольно или по мобилизации пришла на службу в Красную Армию, составив наряду с офицерами военного времени основу высшего и старшего командного состава регулярной Красной Армии под названием «военные специалисты».

Таким образом, термин «военные специалисты», который появился в годы гражданской войны, объединял только указанные выше категории бывшего офицерского корпуса (кадровых офицеров и офицеров военного времени), служивших в Красной Армии. На этом основании можно сделать вывод, что «военная интеллигенция» и «военные специалисты» — понятия, по нашему мнению, не идентичные, тем более, что военная интеллигенция в Красной Армии составляла примерно 6 %[17] от численности военных специалистов[18].

О привлечении бывших генералов и офицеров русской армии — военных специалистов — к советскому военному строительству впервые упоминалось в работах, опубликованных в период гражданской войны 1918—1920 гг.[19] Однако разработка этого вопроса, как части общей проблемы использования знаний и опыта буржуазной интеллигенции в интересах Советского государства, получила развитие лишь во второй половине 50-х годов, после выхода в свет 3-го тома «Истории гражданской войны в СССР» (М., 1957).

Советскими историками, в частности С. А. Федюкиным[20], Л. М. Спириным[21] и А. М. Иовлевым[22], внесен значительный вклад в разработку рассматриваемой проблемы. Тем не менее в советской историографии еще нет ни одной специальной монографии, посвященной изучению этого вопроса. А также не исследована проблема

привлечения военных специалистов «всесторонне и глубоко, с показом всех ее трудностей» также ни в одной из работ, посвященных строительству Красной Армии[23], вследствие чего остаются не разработанными многие важные ее аспекты.

Как нам представляется, одной из причин недостаточного исследования проблемы является ограниченное использование прежде всего архивных источников, которые помогут расширить статистическую и историко-социологическую базу исследования и «установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться» в своих окончательных выводах[24]. Недостаточно исследованы причины перехода бывших генералов и офицеров на сторону Советской власти в добровольческий период строительства Красной Армии и сложность этого трудного для них решения; деятельность партии, Советского правительства по привлечению военной интеллигенции после VIII съезда партии, требуется также уточнение ее численности на различных этапах строительства Красной Армии и особенно к концу гражданской войны.

Здесь уместно, на наш взгляд, отметить, что до сих пор еще нет научных трудов, в которых были бы приведены достаточно полные данные о той части военной интеллигенции, которая приняла активное участие в строительстве Красной Армии с первых же дней ее создания и в защите Республики Советов на фронтах гражданской войны. Сотни лиц, кроме одного-двух десятков, упоминаемых в нашей литературе фамилий, растворились в общей массе военных специалистов, которые служили в Красной Армии, принимали активное участие в ее строительстве и защите Советского государства. Представляют большой интерес и такие данные, как анализ деятельности военной интеллигенции, находившейся на службе у Советской Республики (в качестве военных специалистов на фронтах и работавших в военных учебных заведениях и проч.), и той ее части, которая не приняла Октябрьскую революцию и оказалась по ту сторону баррикад, а также данные о военной интеллигенции, вообще не участвовавшей в гражданской войне (и той, которая проживала на территории б. Российской империи, и в эмиграции) и т. д.

Наконец, остается до сих пор неизученным вопрос о привлечении на службу Республике Советов самой ценной и подготовленной части военной интеллигенции — корпуса офицеров Генерального штаба, к которому относились офицеры, окончившие полный курс (младший и старший классы и дополнительный курс) Николаевской академии Генерального штаба (с 1909 г.— Имп. Николаевская военная академия) и переведенные в Генеральный штаб[25]. Рассмотрение именно этой категории офицерского состава представляет особый интерес: офицеры Генерального штаба и прежде всего генералы и штаб-офицеры, составлявшие на октябрь 1917 г. 87 % от всего корпуса Генерального штаба, по своему образованию и опыту службы на высших командных и штабных должностях в мирное и военное время и были теми военными специалистами, привлечению которых на службу Советской власти партия, В. И. Ленин с первых же дней победы Октябрьской революции и особенно с созданием массовой

регулярной армии уделяли особое внимание. Именно эти генералы и штаб-офицеры назначались на высшие командные, штабные и административно-хозяйственные должности в Красной Армии и учили искусству управления войсками, военным наукам защитников революции, ибо, по словам В. И. Ленина, «без науки современную армию построить нельзя»...[26]. Изучение этих данных необходимо еще и потому, что история бывшего корпуса офицеров Генерального штаба русской армии тесно связана с историей «корпуса Генерального штаба» Красной Армии 1918—1922 гг.[27]

Привлечение военной интеллигенции в качестве военных консультантов и экспертов, инструкторов, командиров, руководителей военных учреждений и т. д. началось буквально с первых же дней провозглашения Советской власти, при подавлении первых очагов внутренней контрреволюции, и в частности при отражении наступления войск Керенского — Краснова на революционный Петроград в конце октября 1917 г. (бывший полковник В. П. Вальден и др.); при ликвидации духонинской Ставки в Могилеве (бывшие генералы М. Д. Бонч-Бруевич, С. И. Одинцов, Ал. Е. Гутор и др.). Преодоление саботажа в Военном министерстве и использование его учреждений в интересах защиты революции удалось в значительной степени благодаря благожелательной позиции бывшего генерала Н. М. Потапова и др.[28] В работе советской делегации при ведении мирных переговоров в Брест-Литовске в качестве экспертов участвовали бывшие генералы В. Е. Скалон, А. А. Самойло и др. Большая группа генералов Ставки во главе с М. Д. Бонч-Бруевичем была привлечена В. И. Лениным для организации обороны Петрограда и отпора кайзеровским войскам в феврале 1918 г. (бывшие генералы В. Е. Борисов, М. П. Каменский, В. Ф. Новицкий, В. А. Черемисов и др.). Непосредственно боевыми действиями на нарвском и псковском направлениях руководили бывший генерал Д. П. Парский и бывший полковник Й. Г. Пехливанов. Но особенно широко военная интеллигенция привлекалась к военному строительству Советского государства в связи с расширением масштабов гражданской войны и созданием массовой регулярной Красной Армии. Представителями военной интеллигенции были оба главнокомандующих Вооруженными Силами Республики — бывшие полковники И. И. Вацетис и С. С. Каменев, а также 85% (25 из 29) командующих основными фронтами и т. д.[29]

С началом строительства Красной Армии в нее вступили такие крупные военные деятели, как бывшие военные министры Д. С. Шуваев и А. И. Верховский, начальник Главного штаба Н. П. Михневич, командующие армиями фронтов П. С. Балуев, Ал. Е. Гутор, В. Н. Клембовский; командующие армиями Л. И. Белькович, Н. А. Данилов, П. А. Лечицкий, С. М. Шейдеман; командиры армейских корпусов А. М. Зайончковский, братья В. Ф. и Ф. Ф. Новицкие, А. Е. Снесарев, В. П. Широков. В 1920 г. в Красную Армию вступили бывшие верховный главнокомандующий А. А. Брусилов, военный министр А. А. Поливанов, командующий армией А. А. Цуриков и др. Во время гражданской войны представители военной

интеллигенции занимали высшие командные, штабные и административно-хозяйственные должности, составляли почти 100% преподавателей военных дисциплин в высших и средних военно-учебных заведениях. Сотни военных специалистов были награждены орденом Красного Знамени (в том числе двух-, трех- и четырехкратно), многие погибли в боях. Бывшие генералы А. П. Николаев, А. В. Соболев, А. В. Станкевич, попавшие в плен к белым и отказавшиеся перейти на их сторону, были казнены; бывший генерал А. А. Таубе погиб в колчаковском застенке.

Исследование вопроса привлечения военной интеллигенции к советскому военному строительству представляет большое научно-теоретическое и практическое значение, позволяет определить ее место и значение как в создании Красной Армии, так и в ее победах над силами внутренней контрреволюции и международной реакции, а также вскрывает несостоятельность утверждений белоэмигрантских и буржуазных историков, занимающихся изучением судеб российской военной эмиграции после Октябрьской революции, о якобы систематических массовых насилиях над буржуазной интеллигенцией, и особенно над военной, и будто бы поголовной их враждебности Советской власти.

Актуальность вопроса привлечения военной интеллигенции для строительства армии нового типа состоит также в том, что она приобретает значение одной из закономерностей, имеющих место в странах, которые вступили на путь народно-демократических и социалистических преобразований.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 526.
[2] Там же, т. 34, с. 311.
[3] Там же, т. 40, с. 182—183.
[4] *Кораблев Ю. И.* В. И. Ленин и защита завоеваний Октября. М., 1979, с. 313.
[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 313; т. 40, с. 199.
[6] *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам. М., 1964, с. 272.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 243.
[8] *Федюкин С. А.* Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965, с. 12, 48.
[9] Большая советская энциклопедия. 3-е изд., т. 10, с. 314.
[10] Там же.
[11] *Ерман Л. К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966, с. 14.
[12] Там же.
[13] ЦГВИА, ф. 2000, оп. II, д. 2885, л. 81, 82.
[14] Большая советская энциклопедия, т. 10, с. 314.
[15] Расписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1-му мая 1914. СПб., 1914.
[16] Из общей численности офицеров и классных чинов в 98 900 человек (ЦГВИА, ф. 200, оп. II, д. 2883, л. 132).
[17] Бывшие кадровые офицеры, которых мы отнесли к военной интеллигенции, составляли примерно 6% от общего числа военных специалистов (*Антонов-Овсеенко В. А.* Строительство Красной Армии в революции. М., 1923, с. 31).
[18] В советской исторической литературе численность военных специалистов на 15 августа 1920 г. определена в 48 409 человек (Гражданская война 1918—1921 гг. М., 1928, т. 2, с. 95).
[19] См., в частности: *Ярославский Ем.* О командном составе новой армии.— В кн.: Новая армия. М., 1918, с. 10—11; и др.

[20] *Федюкин С. А.* Об использовании военных специалистов в Красной Армии.— Воен.-ист. журнал, 1962, № 6; *Он же.* Военные специалисты в Красной Армии.— В кн.: Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965, с. 48—94; *Он же.* Военные специалисты.— В кн.: Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972, с. 110—143.

[21] *Спирин Л. М.* В. И. Ленин и создание советских военных кадров.— Воен.-ист. журнал, 1965, № 4.

[22] *Воропаев Д. А., Иовлев А. М.* Борьба КПСС за создание военных кадров. М., 1960; *Иовлев А. М.* Разработка и осуществление ленинской политики в отношении специалистов старой армии (1917—1920 гг.).— Вопр. истории КПСС, 1968, № 4; *Он же.* Деятельность КПСС по подготовке военных кадров. М., 1976; *Он же.* Ленинская политика привлечения буржуазных военных специалистов в Красной Армии. М., 1983.

[23] Из истории гражданской войны и интервенции, 1917—1922 гг.: Сб. ст./ Отв. редактор академик И. И. Минц. М., 1974, с. 33.

[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

[25] Офицеры, даже успешно окончившие полный курс Академии, но не переведенные в Генеральный штаб, к офицерам Генерального штаба не относились, и в частности не включались в издававшийся ежегодно «Список Генерального штаба».

[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 182—183.

[27] Приказ Всероссийскому Главному Штабу (по корпусу Генерального штаба) № 18 от 27 июня 1918 г. (ЦГАСА, ф. 11, оп. 1, д. 60, л. 23).

[28] Подробнее об этом см.: *Городецкий Е. Н.* О записках Н. М. Потапова.— Воен.-ист. журнал, 1968, № 1.

[29] Список руководящего состава Красной Армии.— В кн.: Директивы командования фронтов. М., 1978, с. 529—595.

●

Е. Г. ГИМПЕЛЬСОН

РАБОЧИЙ КЛАСС И ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К УПРАВЛЕНИЮ СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ (ноябрь 1917—1920 гг.)

Буржуазная и ревизионистская литература полна вымыслов о политике Советской власти в отношении интеллигенции после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Так, утверждается, будто бы дореволюционная интеллигенция, за исключением той небольшой части, которая состояла в Коммунистической партии, преследовалась и, уж конечно, была лишена возможности участвовать в управлении государственными делами.

Беспочвенность подобных утверждений можно показать, в частности, на материале, относящемся к начальным годам Советского государства. Эти годы представляют особый интерес, так как там — первый опыт пришедшего к власти рабочего класса по привлечению старой буржуазной интеллигенции к управлению государством трудящихся, причем опыт, направляемый непосредственно великим Лениным.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции рабочий класс стал руководящим, правящим классом. К этой исторической роли он был подготовлен многолетней школой политической борьбы против царизма, против власти буржуазии за освобождение всех трудящихся от гнета эксплуататоров.

Созданный после победы Октября советский государственный аппарат стал главным орудием рабочего класса в борьбе за революционное переустройство общества. Используя государственный аппарат, рабочий класс должен был управлять страной. «Нужно бороться с предрассудком, что управлять государством может только буржуазия,— говорил Ленин в декабре 1917 г.— Управление государством должен взять на себя пролетариат» [1]. Это, однако, не означало, что управление страной должно осуществляться только рабочим классом. Ленин неоднократно подчеркивал, что в управлении страной должны участвовать все трудящиеся, т. е. не только рабочие, но и крестьяне, интеллигенция, служащие. Накануне Октября В. И. Ленин, говоря о необходимости привлечь широкие массы трудящихся к управлению государством, писал: «Этот аппарат только мы можем создать, ибо нам обеспечено полнейшее и беззаветное сочувствие гигантского большинства населения. Этот аппарат только мы можем создать, ибо у нас есть сознательные, дисциплинированные долгой капиталистической „выучкой"... рабочие... Сознательные рабочие должны руководить, но привлечь к делу управления они в состоянии настоящие массы трудящихся и угнетенных» [2].

При организации аппарата управления одной из сложнейших была проблема кадров. Наиболее важным звеном являлись кадры руководителей, которые должны были непосредственно претворять в жизнь политику партии, Советской власти и направлять всю работу государственного аппарата в целом и отдельных его звеньев.

Как известно, антисоветские силы возлагали большие надежды на отсутствие у Советской власти опытных в деле управления кадров. Они утверждали, что социалистическая революция обречена, так как пролетариат не сможет управлять государством.

Как же решалась на первых порах проблема руководящих кадров? В дооктябрьский период замечательную школу политической борьбы прошла плеяда революционеров-рабочих, овладевшая марксистской теорией и накопившая богатый организационный опыт, опыт руководства массами. К этому необходимо добавить большой организационно-политический опыт коммунистов, передовых рабочих, который они приобрели в 1917 г., работая в массовых организациях трудящихся, и в первую очередь в Советах. Среди руководителей, организаторов партии было немало также интеллигентов ленинской школы и закалки, выражавших идеологию пролетариата, посвятивших свою жизнь делу рабочего класса. Вот эти профессиональные революционеры-большевики, вышедшие из среды рабочих и других социальных слоев, и были направлены в государственный аппарат на основные руководящие посты.

Но потребности государственного аппарата в управленческих кадрах намного превышали то количество, которое могла дать Коммунистическая партия и росла эта потребность с каждым днем.

Надо было поднимать к управлению, к руководящей работе по-

вые и новые слои, прежде всего рабочих. Вместе с тем задачи управления страной, совершенствования управления имели и другой аспект: с расширением и усложнением деятельности советского государственного аппарата повышались требования к кадрам. Наличие у руководителя-рабочего таких пролетарских качеств, как стойкость, выдержка, решительность, преданность революции и т. д., имело громадное значение, но этого было мало. На IX съезде партии в 1920 г. Ленин подчеркивал, что для управления нужны опыт, знания, навыки. «...Уменье управлять с неба не валится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению» [3]. Чтобы управлять, требовались компетентность, знание условий и техники производства, хозяйственный опыт, известное образование [4]. Вовлечение трудящихся в управление необходимо было сочетать с их обучением. Это, во-первых. И, во-вторых, необходимо было шире привлекать к к делу управления демократически настроенных старых служащих, специалистов, имевших определенный опыт и образование. Это была составная часть более широкой проблемы взаимоотношений пролетарской власти с буржуазной интеллигенцией. «...Всякий новый класс,— указывал В. И. Ленин,— учится у предыдущего класса и берет представителей управления у старого класса...» [5].

Это полностью относилось и к пролетариату. На съезде рабочих водного транспорта В. И. Ленин 15 марта 1920 г. говорил: «...ставьте вопрос управления, как деловые люди. Добивайтесь, чтобы управление шло с наименьшей затратой сил, чтобы администраторы были способны, будь то спецы или рабочие, чтобы они шли работать и управлять, чтобы считалось преступлением, если они не участвуют в управлении. Учитесь на собственном практическом опыте. Учитесь также у буржуазии» [6]. IX съезд РКП(б) обязал членов партии «вести непримиримую борьбу с невежественным самомнением, считающим, будто рабочий класс может разрешить свои задачи без использования на самых ответственных постах специалистов буржуазной школы» [7].

Ленину, партии пришлось вести упорную борьбу против оппозиционных групп (сначала «левые коммунисты», потом «рабочая оппозиция», «децисты»), требовавших отказаться от использования буржуазных специалистов, особенно в управлении. Они мотивировали свое требование тем, что якобы использование буржуазных специалистов, тем более при единоличном руководстве,— это сдача рабочим классом своих позиций. Ленин указывал, что нельзя смешивать два разных вопроса: какому классу принадлежит власть и посредством каких форм, методов она осуществляется. На IX съезде партии он сказал: «После захвата власти рабочий класс держит, сохраняет власть и укрепляет ее, как всякий класс, изменением отношения к собственности и новой конституцией. Это — первое мое основное положение, которое бесспорно! Второе положение, что всякий новый класс учится у предыдущего класса и берет представителей управления у старого класса — тоже абсолютная истина. Наконец, мое третье положение, что рабочий класс должен увеличивать число

администраторов из своей среды, создавать школы, подготовлять в государственном масштабе кадры работников. Эти три положения неоспоримы...» [8].

«Во всех случаях,— отмечалось в резолюции IX съезда партии,— „назначает" лиц, руководящих и администрирующих, правящий класс в целом» [9]. Каково бы ни было социальное положение руководителя, классовое содержание руководства было одно — пролетарское. Оно определялось законами и задачами Советской власти, являлось проявлением «пролетарской диктатуры, которая не только заставляет работать в определенном направлении, но и ставит свой глаз в лице рабочих комиссаров» [10].

Поворот специалистов, интеллигенции на сторону Советской власти, наметивший в начале 1918 г., продолжался и в дальнейшем. На протяжении трех лет гражданской войны наблюдалась тенденция к увеличению их участия в органах управления, в том числе в руководстве ими. Приведем на этот счет некоторые конкретные данные.

Выборочная разработка материалов переписи советских служащих 1922 г. коснулась, в частности, 3200 руководящих работников народных комиссариатов. Из них 83,4% имели высшее или среднее образование [11], другими словами, они относились к интеллигенции, специалистам (до революции рабочие и крестьяне имели в лучшем случае низшее образование). В 1919 г. представители интеллигентных профессий (статистика их учитывала как служащих) составляли 57,3% членов губернских, 39,5% уездных и 43% городских исполкомов Советов [12]. В конце 1920 г. в коллегиях главков ВСНХ специалисты и другие служащие составляли 54% [13]. Отделами главков заведовали почти сплошь специалисты с высшим или средним образованием.

На пост руководителя предприятия выдвигался или рабочий или специалист, однако при условии, что они имели известный опыт руководящей работы и зарекомендовали себя в деловом и политическом отношении. IX съезд РКП(б) считал возможным применение различных комбинаций соучастия рабочего и специалиста в управлении: назначается директор из рабочих — при нем инженер в качестве помощника по технической части; если же директор — инженер, то при нем — «комиссар из рабочих-профессионалистов, с широкими правами и с обязательством входить во все стороны дела»; при директоре-специалисте могли быть рабочие в качестве помощников «с правом и обязательством... входить во все отрасли заводского управления, но без права приостанавливать распоряжения директора» [14].

Такова была одна из форм контроля рабочего класса за деятельностью руководителей на предприятиях. Контроль осуществлялся во всех звеньях и на всех уровнях государственного управления — через органы государственной власти, партийные и профсоюзные организации.

Советские органы управления осуществляли политику Коммунистической партии — авангарда рабочего класса, политику рабочего класса. В этом смысле они были пролетарскими, это прежде всего определяло ведущую роль рабочего класса в управлении государ-

ством. Значительное участие в управлении непролетарских социальных слоев не меняло классово-пролетарский характер органов управления. При этом партия стремилась направлять на руководящую управленческую работу как можно больше рабочих, так как их участие создавало в аппарате управления «пролетарский климат», связывало руки саботажникам, способствовало борьбе с бюрократизмом. Передовые рабочие привносили в деятельность органов управления лучшие качества своего класса: решительность, последовательность и настойчивость в решении вопросов, дисциплинированность, преданность революции.

Большее значение, чем социальное положение, имела партийность руководящих работников аппарата управления. Коммунист, будь он рабочим, специалистом, крестьянином, служащим, на любом посту проводил в жизнь пролетарскую программу своей партии, обеспечивая тем самым руководящую роль рабочего класса. Вот почему так важно было, чтобы коммунисты были на основных руководящих постах. Имеющиеся данные по центральным и местным органам управления показывают динамику в соотношении социального и партийного состава различных звеньев государственного аппарата. Выявляется следующая закономерность: в низовых органах наибольший процент рабочих и наименьший специалистов и служащих. Наоборот, в центральных — наибольший процент специалистов, но, как правило, они были коммунистами.

Наличие в управлении Советским государством политически зрелых, прошедших школу революционных битв рабочих, коммунистов, являлось важнейшим условием работоспособности органов государственной власти и управления. Выделив из своей среды кадры руководителей и привлекая на свою сторону специалистов, подготовленных в недрах буржуазного строя, рабочий класс сумел овладеть управлением государством. 30 июля 1918 г. В. И. Ленин констатировал: «Русская революция... доказала, что новый класс, взявший управление в свои руки, способен справляться с этой задачей»[15].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 147.
[2] Там же, т. 34, с. 316.
[3] Там же, т. 40, с. 252.
[4] См.: Там же, с. 222, 253.
[5] Там же, с. 270.
[6] Там же, с. 217.
[7] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970, т. 2, с. 159.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 270.
[9] КПСС в резолюциях и решениях.., т. 2, с. 168.
[10] Там же, с. 169.
[11] *Устинов В. А., Фелингер А. Ф.* Историко-социальные исследования: ЭВМ и математика. М., 1973, с. 150, 157—158.
[12] *Владимирский М. Ф.* Советы, исполкомы и съезды Советов. М., 1921, вып. 1, с. 14, 21.
[13] Народное хозяйство, 1921, № 4, с. 49.
[14] КПСС в резолюциях и решениях.., т. 2, с. 157.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 20.

С. О. ШМИДТ

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К СОВЕТСКОМУ АРХИВНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Советскими учеными уже достаточно широко исследованы проблемы осуществления ленинской программы культурного строительства и привлечения на сторону Советской власти старой интеллигенции. Однако применительно к истории архивного строительства такое изучение только началось, задача статьи — обобщить имеющийся материал.

Попытка показать историю архивного строительства в первые годы Советской власти была предпринята автором еще в 1968 г.[1] К настоящему времени накопился материал — исследования и публикации — для дополнительных выводов и обобщений.

Важно сразу же отметить, что подготовка декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» (принят 1 июня 1918 г.) имела место тогда, когда В. И. Ленин обратил особое внимание на необходимость привлечения к работе буржуазной интеллигенции. Более интенсивно стали участвовать историки в архивном строительстве в конце 1918—1919 гг., в период, когда особенно остро стоял вопрос об «использовании» буржуазных специалистов в управленческом аппарате. Такое же положение наблюдалось и в истории библиотечного и музейного строительства — именно в 1918—1919 гг. шел особенно интенсивный процесс возникновения музеев и библиотек. Оранизационные вопросы архивного, библиотечного и музейного дела рассматривались в первые годы Советской власти как составные части большой проблемы сохранения и использования памятников культуры, и не случайно на заседании Совнаркома 26 апреля 1918 г. первоначально был поставлен вопрос об организации центрального управления архивами и библиотеками[2].

В. И. Ленин был убежден в том, что ученые приходят к признанию коммунизма *«через данные своей науки»*[3], и уже в 1918 г. им было сформулировано важнейшее положение о взаимоотношении между рабочим классом и наукой — «Союз науки и рабочих»[4]. Но большинство буржуазных интеллигентов, радостно приветствуя свержение царизма — Февральскую революцию, не приняли Октябрьскую революцию. Одни относились с нескрываемым недоверием, а часто и с враждебностью к действиям большевиков, к планам коренных преобразований страны. Другие, не сумев разобраться в происходивших общественных изменениях, декларировали, что наука и искусство «превыше всякой классовой и партийной борьбы». Лишь немногие из высококвалифицированных интеллигентов сразу же отдали свои знания и талант на службу революционному народу.

Однако, оплакивая «погибель» отечественной культуры и отказываясь даже признать законность новой власти, большинство интеллигенции не выступили все-таки активно против большевиков, более

зации масс»[9] и устойчивой опорой НДПА, правительства ДРА. Афганская молодежь, получившая современное образование и вырвавшаяся из оков мракобесия и предрассудков, порожденных старыми отжившими общественными укладами, проникается новыми идеями и твердо принимает революционную идеологию рабочего класса.

В ходе классовой борьбы, особенно на данном этапе революции, происходит становление прогрессивной патриотической интеллигенции и сближение ее с народом, НДПА и правительством ДРА на пути демократии и социального прогресса.

---

[1] Парчам, 1968, 9 нояб.
[2] Тезисы ЦК НДПА к второй годовщине Саурской революции. Кабул, 1980, тез. 7.
[3] Там же, тез. 8.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 199.
[5] Там же, т. 7, с. 345.
[6] Там же, т. 44, с. 174.
[7] Хакикате энклобе саур (орган ЦК НДПА), 1980, 7 сент.
[8] Там же.
[9] Тезисы ЦК НДПА к второй годовщине Саурской революции, тез. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

И. И. Минц
Великая Октябрьская социалистическая революция и интеллигенция . . . 6

С. А. Федюкин
Октябрь и интеллигенция (некоторые методологические аспекты проблемы) . . . 20

К. В. Гусев
Интеллигенция России и борьба политических партий . . . 34

Б. И. Каптелов
Материалы ЦГАОР СССР по проблеме «Великий Октябрь и интеллигенция» . . . 44

II
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

А. В. Ушаков
Русская интеллигенция периода буржуазно-демократических революций (профессиональная и политическая структура) . . . 48

М. Г. Вандалковская
К вопросу о содержании понятия «интеллигенция» в литературе начала XX в. . . . 57

А. Д. Степанский
Общественные организации российской интеллигенции и революционное движение . . . 63

В. А. Муравьев
Революция 1905—1907 гг. и русские историки (к постановке проблемы) 68

О. В. Волобуев, С. В. Кулешов, В. В. Шелохаев
Дискуссия о роли интеллигенции в первой народной революции XX в. 74

В. И. Дурновцев
Россия и Запад в «веховской» идеологии . . . 82

Н. Г. Георгиева
В. И. Ленин о месте студенчества в буржуазно-демократической революции . . . 87

А. Е. Иванов
Проблемы изучения студенческого движения в трех российских революциях . . . 96

А. С. Сумбатзаде
Роль азербайджанской демократической интеллигенции в революционизировании сознания народных масс . . . 103

Д. И. Чхиквишвили
Русская культура и грузинская интеллигенция на рубеже XIX—XX вв. 113

III
ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ

Л. М. Зак
Великий Октябрь и интеллигенция (некоторые аспекты историографии проблемы) . . . 121

М. Е. Главацкий
Советские историки о политическом размежевании буржуазной интеллигенции в период Октябрьской революции . . . 131

Л. В. Иванова
Большевистская партийная интеллигенция и Великий Октябрь 138

А. А. Буравченков
Офицерский корпус русской армии накануне Октябрьской революции . 145

А. Г. Кавтарадзе
Некоторые итоги изучения проблемы «Октябрь и военная интеллигенция» 151

Е. Г. Гимпельсон
Рабочий класс и привлечение интеллигенции к управлению Советским государством (ноябрь 1917—1920 гг.) . . . 158

С. О. Шмидт
Привлечение интеллигенции к советскому архивному строительству . . 163

О. В. Наумов
Производственно-техническая интеллигенция в первый год диктатуры пролетариата . . . 170

Р. Б. Сулейменов
Великий Октябрь и судьбы национальной интеллигенции России . . . 177

Ю. М. Гамрецкий
Интеллигенция и революция на Украине . . . 183

А. С. Есауленко, Н. В. Абакумова
Народные учителя Молдавии за преобразование школьной системы после Февральской революции . . . 192

В. М. Устинов
Великий Октябрь и интеллигенция Туркестана . . . 199

А. И. Козлов, Л. А. Этенко
Октябрь и революционно-демократическая интеллигенция горских народов Северного Кавказа . . . 206

IV
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И В ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

А. Л. Литвин
Интеллигенция России периода гражданской войны (некоторые вопросы изучения) . . . 212

В. Л. Соскин, С. А. Красильников
Об особенностях борьбы за интеллигенцию в восточных районах страны (1917—1920 гг.) . . . 217

Б. Ф. Султанбеков
Научная интеллигенция Поволжья в годы гражданской войны 224

М. М. Бекижев
Национальная интеллигенция Северного Кавказа в первые годы пролетарской диктатуры (1918—1922 гг.) . . . 232

Г. А. Дзидзария
Роль абхазской интеллигенции в борьбе за власть Советов 240

В. С. Волков
Организация сотрудничества советских республик в подготовке кадров интеллигенции в период строительства социализма (1922—1936 гг.) . . 247

V
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПООКТЯБРЬСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

М. Санждорж (МНР)
Участие монгольской интеллигенции в национально-освободительной борьбе . . . 254

А. Я. Манусевич
Прогрессивная творческая интеллигенция стран Центральной и Юго-Восточной Европы в антифашистской борьбе 30-х годов 256

С. А. Атамукас, Б. Ю. Вайткявичюс
Участие интеллигенции в социалистической революции 1940 г. в Литве 271

В. Т. Логинов
В. И. Ленин о «Вехах» и современная идеологическая борьба 281

Ю. Кржижек, В. Грицова (ЧССР)
Октябрьская революция и чешская интеллигенция (1917—1921 гг.) . . 285

И. Каменец (ЧССР)
Становление революционного сознания прогрессивной интеллигенции Словакии в 20-30-е годы и ее роль в революционном движении 292

В. Чичовска (НРБ)
Интеллигенция и революционный процесс в Болгарии (1944—1948 гг.) . 298

Ю. Петерсдорф (ГДР)
Формирование социалистической интеллигенции в ГДР 305

Т. Хусар (ВНР)
Венгерская интеллигенция на начальном этапе социалистических преобразований . . . 309

Фам Суан Нам, Ван Тао (СРВ)
Участие интеллигенции в национально-освободительной борьбе и социалистической революции во Вьетнаме . . . 314

Е. Н. Стариков
Мелкобуржуазная интеллигенция и терроризм 320

Дж. Каргар (НДР Афганистан)
Революция и афганская интеллигенция . . . 326